

Виктор Сапов

ЛЮДИ и БОГИ Армора

Виктор Сапов

ЛЮДИ и БОГИ
Армора

Виктор Сапов
Люди и Боги Армора

«Автор»

2020

Сапов В.

Люди и Боги Армора / В. Сапов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04151-6

"Перед вами не просто фэнтэзи, но многослойное духовное повествование о судьбах мистиков правителей и народов." "В какого из Богов верить?.. И правильно ли верить во множество богов или же в одного Единого?.. И обязательно ли должно быть это противостояние?.. Как достичь духовного совершенства: уединившись от мира или оставаясь в нем и служа людям?.. Что есть настоящие ценности?.. Эти и другие вопросы, которые актуальны в наши дни также, как и много веков назад, затронуты автором в этой книге. И, в то же время, это увлекательная история, полная приключений, неожиданных поворотов судьбы её героев и ярких событий. И эти вопросы органично вплетены в повествование, или, другими словами, составляют её глубинный слой". В новое издание, кроме романа "Люди и Боги Армора" вошли четыре рассказа из мира Армора, в т.ч. приквел к роману.

ISBN 978-5-532-04151-6

© Сапов В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Люди и Боги Армора	5
Пролог	5
Нежданный гость	7
Свет Богини Керидвен	10
Как записано в звёздах	13
Опасный тракт	16
Пророчество и баллады	19
Жажда мести и... дудочка	22
Меч Мериадока	25
Заговор графов	29
Вопросы веры	32
В потайных коридорах	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктор Сапов

Люди и Боги Армора

Люди и Боги Армора

Пролог

По крутой, скалистой тропе, которую – не то древние люди, не то сами боги выложили ступенями из неровных плоских камней, и оградили справа и слева гигантскими валунами, карабкался юноша, на вид лет четырнадцати. Он то и дело останавливался, чтобы перевести дух, унять дрожь в коленях и прислушаться – близка ли погоня? То, что за ним гонятся – он не сомневался. Воображение рисовало ему перепачканные кровью широкие лица, приплюснутые головы, квадратные туловища, из которых торчали руки-брёвна с зажатыми в грубых ладонях древками копий и рукоятями мечей и топоров. Они не ведали усталости и обуреваемые жадной убиийства, преследовали юношу, дабы оборвать его только-только начинающуюся жизнь как можно более мучительным способом. Эта мысленная картина вновь и вновь понукала его продолжать трудное восхождение по тропе, хотя он и не знал наверняка, куда она его приведёт.

Прошлым вечером Невена, старшая жрица богини Керидвен, которой лично прислушивал юноша (его звали Фелиз, что значит – счастливый) приняла у себя в доме какого-то вестника, и его объятые тревогой лицо и произнесённые полужёпотом слова сразу не понравились Фелизу, хотя он ничего и не расслышал. И, хотя лицо Невены сохраняло обычное спокойствие, она немедленно вызвала к себе трёх помощниц и отдала им распоряжения, суть которых заключалась в том, что все жрицы должны были к утру, без промедления покинуть уютную лесную поляну у подножья гор Менез. Поляну, так долго служившую им и жилищем, и убежищем, и храмом.

Фелиз услышал также слова – «псы Догмаэля», и ему тоже стало беспокойно. Воины графа Догмаэля были теми людьми, которые пять лет назад спалили дотла его родную деревню и убили его отца. Сделали они это потому, что их деревня лежала во владениях графа Монтана, а у него с графом Догмаэлем как раз вышла крупная ссора. Но кому могут угрожать жрицы Керидвен? Разве что адептам Унана, Единого Бога из Ренна. Но их оружием была главным образом проповедь, а не меч – так говорила Невена и другие сёстры.

Расставшись с помощницами, Невена обратила свой взор на Фелиза. Он всегда удивлялся несоответствию её мягкого, округлого и ещё молодого лица, обрамлённого чёрными кудрями – жёсткому, властному, не терпящему возражений голосу:

– Ложись спать. Утром пойдёшь к алтарю и выполнишь все утренние подношения, подбросишь топлива в очаги. Всё должно выглядеть так, как будто мы не ушли далеко. Когда же увидишь ворона на ветке священного дуба – уходи через лес в Гломель, там повстречаешь одну из нас.

– А если я не успею убежать, если меня увидят и поймают? – запротестовал Фелиз. Богиня не оставит тебя, мальчик – неожиданно мягко сказала Невена. Иди спать...

В то утро Фелиз проснулся, охваченный жаром тревоги. Хотя птицы пели так же беззаботно, как и почти в любое весеннее утро в этом лесу, его сердце всё сильнее и сильнее сжимал страх. Он увидел, что келья Невены пуста, но подбросил в тлеющий очаг свежих поленьев. Потом проделал то же самое в жилищах других сестёр. Все они покинули поляну до рассвета, а может и вчера вечером, хотя как они могли отважиться идти ночью в лесу? Впрочем, несо-

мненно, Богиня показывала им путь. Её следовало ещё раз возблагодарить, и юноша направился к алтарю, кося глазами на ветви священного дуба, располагавшегося в центре поляны. Ворона видно не было. Он скользнул под низкий, крытый камышом навес, и опустился на колени перед вырезанным из дерева ликом Богини, покровительницы всех пашен и всех женщин Армора, ибо она благоприятствовала плодородию и чадородию. Её лик немолодой женщины был увенчан серпом луны, она любила курения из высушенных пряных трав и ячменные лепешки, и сладкую воду из особого глиняного кувшина. Всё это Фелиз подносил ей в давно выученной последовательности, но в этот раз слишком поспешно, то и дело оглядываясь на широкую тропу, ведущую в долину Вилен, откуда ему уже чудилось ржание коней и лай свирепых псов.

Стараясь сохранять твёрдость голоса, он дочитал последнюю молитву, и внезапно его слух потревожило воронье карканье. Ворон сидел на ветке священного дуба, как и было сказано. Юноша испуганно вскочил и стремглав понёсся совсем не туда, куда указала ему госпожа Невена, а прямо к скалам, поднимающимся из земли поодаль, и стал карабкаться на них. До его слуха вскоре донёсся топот и ржанье коней, а затем и грубые возгласы людей. Не сомневаясь, что его заметили и кинулись в погоню, он продолжал, объятый ужасом, упрямо лезть вверх, пока не заметил, что ноги вынесли его с поросшего самшитом, остролистом и усыпанного мелкими камнями склона на тропу, которая резко уходила куда-то выше.

И вот он, кажется, целую вечность взбирается по тропе. Силы почти оставили его. Он уже почти не сомневался, что его, слабого мальчика, в конце концов, догонят и убьют. Он подумал о несправедливости этого мира, где жизнь простых людей ничего не стоит и её так легко оборвать, и тело отца, ещё такого молодого, и растерзанные, окровавленные тела других жителей его деревни, которые не захотели или не сумели убежать, вновь предстали перед его глазами. Он сделал ещё три шага вверх, и каждый шаг давался ему с трудом. Он поднял взгляд от носков своих сбитых башмаков и упёрся взглядом в перегородивший ему путь большой валун, с выбитым на нём ликом неизвестного Бога, увенчанный рогами оленя. Одновременно внизу ему вновь почудился топот и крики людей. В полном отчаянии рухнул он перед суровым каменным ликом и воззвал: «Кто бы Ты ни был, забери меня отсюда, и я буду служить тебе всю жизнь!»

Бог не отозвался. Но тропинка, казалось бы, обрывавшаяся у валуна, теперь явственно продолжилась, огибая его справа. Отчаяние предало юноше сил, и он, обойдя камень, обнаружил за ним узкую тёмную пещеру, в конце которой едва различим был свет, а следовательно – выход. Ступая по гладкому полу пещеры на ощупь, он лишь раз обернулся, но ничего не увидел и не услышал. Позади была тьма, а свет впереди – всё ярче.

Пещера раздалась, и он вышел на ровную площадку, с которой открывался ослепительный вид на высочайшие снежные пики гор, и неописуемо прекрасную долину внизу. Из его сердца совсем исчез страх, а из тела – усталость. Лишь его ум был смущён. Хотя географию Армора он знал лишь по урокам госпожи Невены, он понимал – ни в горах Менеза, ни где-либо ещё в Арморе просто не может быть такого места. А значит, неизвестный Бог услышал его мольбу.

Нежданный гость

Ночь опустилась на двор замка Скер и окрестные холмы. Высыпали звёзды, двурогая луна указывала, что следующий день не прольётся дождём и всё в природе будет спокойно. Полюбовавшись на отражение луны в замковом рву, Эриспо отправился в опочивальню. Отягощённый вечерней трапезой, приготовленной из трофеев вчерашней охоты и обильно сдобренной сидром, граф Скер взобрался по винтовой лестнице к своим покоям на предпоследнем этаже донжона, и толкнул массивную дверь. В покоях горели светильники, пахло ароматными травами – здесь недавно побывала Аэль, служанка. Эриспо закрыл дверь на засов, стянул с себя сапоги и завалился на ложе, покрытое расшитым покрывалом, намереваясь хорошенько поспать. Смежив веки, он стал размышлять о прожитом дне. Подобные мысли помогали заснуть быстрее. Сначала он вспомнил сегодняшний спор с Денезом, оружейником, который утверждал, что арбалет скоро заменит лук во всех сильных армиях владетелей Армора, поскольку он обладает несомненным рядом преимуществ. Эриспо с насмешкой возразил ему, что у арбалета лишь одно преимущество – он дороже лука, и, следовательно, приносит плутам-оружейникам большой доход. Улыбнувшись вновь своей удачной шутке, Эриспо стал вспоминать напыщенное лицо замкового священника – униана, который пенял ему, графу Скер, на то, что тот часто в своих клятвах и проклятиях поминает имена старых Богов, которые суть недобрые дети капризной и дикой матери-природы, и способны только на злодеяния по отношению к роду человеческому. Все эти молнии, поджигающие крыши, злые зимние ветра... да, что-то он ещё упоминал... Сон уже уносил графа в свои объятия, когда до его ушей донеслось мягкое покашливание. Мгновенно открыв глаза, он рывком сел и обвёл взглядом комнату. Напротив, в кресле, слева от входа, сидел человек, закутанный в бесформенный балахон, напоминающий одеяния упомянутого священника, отца Бастиана. Но это был не он. Лицо этого человека не обрамляла густая борода, оно было моложе и, хотя на него не падал свет масляных лампад, оно как будто светилось само по себе.

– Простите, что потревожил ваш сон, ваше сиятельство. Меня зовут Фелиз, и я хотел бы поговорить с вами...

– Люди, которые прокрадываются в чужие покои под покровом ночи, обычно имеют совсем иные намерения, – пробурчал Эриспо. Он уже овладел собой и понимал, что если ночной гость не прирезал его в постели, значит, он, по крайней мере, не убийца...

– Простите, милорд, но сегодня утром, когда я постучался в ворота вашего замка и вежливо испросил у вас аудиенции, стража весьма грубо обозвала меня «попрошайкой» и направила туда, куда идти мне вовсе не хотелось.

– Ну и как ты пробрался в мои покои, мошенник? – графа почему-то успокоил тон голоса незнакомца, и в нём пробудилось весёлое любопытство.

– Нашлись добрые люди и впустили меня. И не стоит вам их винить и выпытывать кто именно. Поверьте, они полностью верны вам, но они верны также и моим Богам, а эти клятвы превыше всех остальных.

– Так значит ты – жрец старых Богов? – граф поёжился. – Я не верю в них. Я верю в Унана, и у меня уже есть здесь его священник.

– Ваше сиятельство, я думаю, вы верите лишь в то, что способно принести вам пользу и удачу. Какой вам прок от священника и его Бога? Кроме надоедливых нравоучений и причитаний о спасении души, вы ничего не слышите от него. А мои Боги могут вам помочь. Ваш прославленный дед верил Им, и герб вашего рода и боевой клич знали тогда по всему Армору.

– Не тронь отца Бастиана, тёмный жрец! – Он подарил мне умение, которое было не доступно ни моему деду, ни моему отцу – он научил меня грамоте, и теперь я умею читать

книги! – возмутился граф, переведя взгляд на массивную полку, где лежали его сокровища – два переплетённых в кожу увесистых тома «Хроник Армора» святого Падрига.

– Весьма приятно это слышать, милорд, – тон жреца Фелиза оставался спокойным и дружелюбным, – тогда вы, наверное, читали о том, что «раньше наша благословенная страна была едина, и управлялась она из Ренна династией мудрых и сильных королей. А потом её постигло несчастье, династия прервалась, и вот уже сто лет как нет здесь покоя ни простым землепашцам и пастухам, ни священникам, ни знатым сеньорам, повсюду льётся кровь, царит голод и смута, а в лесах умножаются разбойники...»

Эриспо моргнул, сглотнул и снова моргнул. Именно эти строки из Хроник он читал вчера вечером, перед сном. Должно быть жрец, таясь в его покоях, открыл заложенную страницу и подсмотрел – но нет, книга лежала именно так, как он её оставил – придавленная бронзовой чашей с изображением медведя...

– ... Настало время, сиятельный граф, исполнить пророчество Мериадока, вынуть меч из каменной стены Неметона и стать тем, кем вам назначено стать Богами – единым королём Армора, – донёсся до слуха отвлёкшегося Эриспо голос жреца, приобретший вдруг нотки торжественности.

– Эээ...кому назначено? – переспросил граф.

– Вам, ваше сиятельство. Именно вам. И поэтому я здесь. Чтобы помочь вам, – вкрадчиво ответил жрец.

Эриспо, захудалый граф Скер – Единый Король? – граф расхохотался. Никогда не слышал ничего смешнее. У меня полторы сотни воинов, из которых лишь тридцать – на конях. Я с трудом отбиваюсь от соседей, особенно от этого дьявола Мореака, который вцепился в меня, словно клещ. И как ты мне поможешь – напустишь на них свои чёрные заклятья, лишишь их жизни?

– Я не владею злыми чарами. Мои Боги благи и добры, что бы вам ни говорил про нас отец Бастиан. Однако я владею знаниями о том, как можно достичь трона королей Ренна. И если вы будете доверять мне, слушать меня, то, вкупе с вашей несомненной доблестью и отвагой – достигнете цели.

– А почему собственно я? А не, например, граф Монтабан? Ведь у него большое войско и богатые владения? – в голосе графа было ощутимо волнительное возбуждение.

– Потому, что именно на вас указали мне Боги. И вы вскоре убедитесь, что они правы.

–О! И как мне в этом убедиться?

– Мы поскачем в Ренн, и вы извлечёте меч Мериадока из толщи камня при стечении народа и духовенства. Исполните то самое пророчество, о котором читали вчера. Подтвердите, что в вас течёт кровь древней династии и...

– Никто не смог извлечь этот дьявольский меч! Даже самые могучие и знатные! Никто!

– Вы сможете. Сейчас я покину вас, а завтра вновь постучусь в замковые ворота. Примите меня, на людях, как учёного мудреца, звездочёта из Ванна, и объявите сбор для поездки в Ренн. Фелиз. Это моё подлинное имя. Доверьтесь мне, – с этими словами незнакомец встал и скользнул за дверь, которая бесшумно закрылась за ним. Граф встал и подошёл к двери, тронул засов. Он был недавно смазан. Выглянув в коридор, граф убедился, что там было пусто, и не услышал звуков шагов. Поднять тревогу? Поймать заодно и сообщника? Нет, завтра он всё равно, как сказал, постучится в ворота. Вот тогда и подумаем, что с ним делать. Графа неприятно удивил не столько этот странный незнакомец, сколько наличие среди слуг человека, впустившего его. Большинство обитателей замка служило ещё его отцу, а некоторые – и деду. Но, как сказал незнакомец, – есть клятвы верности превыше остальных...

Мысли Эриспо утекли в воспоминания. Ещё при деде, когда Эриспо мальчишкой бегал за щенками по замковому двору, здесь чтили Старых Богов. Служители Тараниса, Цернунна, Керидвен и других частенько навещали замок. Сами они предпочитали жить уединённо

в окрестных лесах, и жизнь их была окутана ореолом тайны. Лишь барды, учившиеся своему искусству у жрецов Огмы и Бригит, были, как правило, весёлыми и открытыми людьми, не чурающимися простых человеческих радостей. Но и они порою любили напускать тумана, превращая песни в намёки, а намёки – в пророчества.

Затем, как говорила молва, Догмаэль, отец нынешнего Догмаэля, графа Мореака, отличавшийся бешеным нравом, убил на пиру жреца Огмы, позволившего себе насмехаться над Его Сиятельством, да так, что весь пиршественный зал надорвал себе животы. Жрецы потребовали виру за убитого собрата, и тогда граф убил и их. Народ ждал кары от Богов за содеянное, тем более что убиваемые графом жрецы успели страшно проклясть его. Но кара пришла далеко не сразу. Граф ещё успел послать своих воинов в ближайшие леса и разорить немало капищ. Говорят, что за этим стоял Неметон, и подобные кровопролития в отношении адептов старой веры прокатились по всему Армору. Так или иначе, но с тех пор жрецы редко показываются в замках знати, и где они сейчас прячутся – одному Единому известно. После смерти деда, до последнего вздоха державшегося старой веры, отец пригласил в замок преподобного Бастиана, и как-то незаметно вассалы графа и его слуги стали посещать его службы в специально пристроенном храме. Маленький Эриспо же распрощался со своей свободой – теперь он каждый день под руководством монаха должен был выводить гусиным пером буквы-закорючки, и читать те же самые закорючки, написанные кем-то другим и переплетённые в толстые книги. Зато какой же радостью было вырваться из тесной кельи после урока – на упражнения с мечом, копьём и луком, где не надо было напрягать то, что преподобный Бастиан звал «умом человеческим».

Граф ещё раз вспомнил странное и волнующее предложение жреца и решил, что тот, возможно, безумен, так как тоже очевидно знает грамоту. Все грамотеи – немножко безумцы, успел заключить граф Скер, когда сон наконец одолел его. Ему снилась корона Единых Королей.

Свет Богини Керидвен

В крохотной комнатке Аэль сидели двое – сама Аэль, крепкая, светловолосая и голубоглазая (предки её были из северян, из кертов) деревенская девушка семнадцати лет, и немолодая, темноволосая женщина, на обветренном лице которой вместе с морщинами отпечаталась вся её многотрудная жизнь, проведённая в служении богине Керидвен в лесах и дубравах Армора. Это была Невена. Женщины тихо сидели и смотрели на дверь, за которой должны были послышаться шаги только что ушедшего Фелиза, но их слышно не было – странник ступал бесшумно.

Молчание нарушила Аэль:

– Госпожа, он правда тот, за кого себя выдаёт?

– Фелиз, мальчишка, бесследно пропал двадцать лет назад. Мы не нашли его тела. Птицы тоже сказали мне, что его нет среди мёртвых. В этом мужчине есть черты того мальчика. Но он непостижимым образом изменился внутренне. Его наполняет такая сила, которую я не встречала ни в одном из наших последователей.

– Но он говорит, что его послали сами Боги.

– И ещё он много чего не говорит. Запасёмся терпением и вскоре всё узнаем.

– Госпожа, наш граф, Эри, он... послушает его?

– Даже я слушаю его, хотя повстречала лишь два дня назад. А я кого-нибудь слушала раньше, кроме знамений Богини и её вестников – птиц? Вот то-то и оно...

Женщины вновь погрузились в молчание. Наконец, Невена встала, пожелала Аэль добрых сновидений и скрылась за дверью. Девушка осталась одна. Она закуталась в шерстяной плед, села поудобней, и стала пристально смотреть на кончик пламени восковой свечи, пока быстрые, докучливые мысли не стали медленными и тяжёлыми, а потом исчезли совсем. Дыхание замедлилось, девушка закрыла глаза и увидела свет, который её наставница, Невена называла светом Керидвен. Всё её тело охватило блаженство, в котором растворились тревоги и заботы дня. Просидев так некоторое время, Аэль глубоко вдохнула и открыла глаза. Привычный мир разом вернулся, но ощущение глубокого покоя в её сердце осталось, и огонёк свечи переместился внутрь её существа. Она почувствовала, что согрелась, потушила свечу и легла спать.

Невена тем временем пробиралась запутанными потайными коридорами к выходу из замка. Она шла тем самым путём, которым до неё прошёл Фелиз. Она ещё чувствовала его, след его ауры, очень сильный след. Сильное желание разгадать его тайну завладело Невеной. Однако она прекрасно владела собой, и страстный порыв вскоре угас и растворился во тьме подземелья. Вот её рука нащупала кольцо двери, потянула – и запах близкой, застоявшейся воды ударил в нос. То был замковый ров, а скрытая дверь таилась у самого подножья башни. Невена осторожно шагнула в холодную воду, в несколько сильных гребков достигла противоположного берега и юркнула в кустарник. Там, под ветвями бересклета, была загодя спрятана сухая одежда. Переодевшись, Невена ещё раз обернулась на замок. Там, где обычно виднелся часовой, никого не было. Невена знала, что часовой этот, получив днём от дружка Аэль, Съёка, неожиданный подарок в виде бутылки крепкого луарийского вина, давно и беспробудно спал прямо на боевом посту. Улыбнувшись, жрица бодро зашагала по направлению к деревне, прекрасно ориентируясь в темноте...

Граф Скер, поминая перед сном служителей Старых Богов, все эти годы и не ведал, что некоторые из них свили гнездо в миле от его замка, а кое-кто, как Невена, – свободно входили и выходили из него, пользуясь тайными коридорами, о которых граф и не подозревал.

Невена хорошо помнила, как двадцать лет назад их Круг, вовремя предупреждённый об опасности, практически избежал Погрома. Но сёстры лишились тогда своих укромных лесных жилищ, и Невена приняла решение – рассеяться, и под видом беженок вновь вернуться в мир – в деревни и городки, чтобы жить внешне, как обычные люди, помогать им в их нуждах, и переждать лихие времена. Чёрным был тот год и погребло тогда многое – и люди, и капища, и привычный уклад. Но и он закончился, когда старого графа Мореака наконец постигла заслуженная кара – молния поразила донжон его замка, и он заживо сгорел в своих верхних покоях. А через пять лет с его старшим сыном, продолжившим скверное дело отца, приключился несчастный случай на турнире – мальчишка-рыцарь, для которого это был первый турнир, случайно убил его тупым копьём. А епископ Неметона, по наущению которого Догмаэль и другие феодалы устроили охоту на приверженцев Старых богов, мучительно умер через несколько лет от внезапной хвори. Были и другие смерти, заставившие владетелей умерить свой пыл в преследованиях. Новый же Реннский епископ оказался человеком мудрым и не лишённым милосердия, и призвал к миру, что не помешало ему ревностно продолжать проповедовать свою веру, но уже иным образом. Он повелел монахам распространять грамоту среди последователей, открыл школы, куда принимались даже дети бедняков, если они хотели идти путём Единого. Феодалы тоже стали охотно учить своих отпрысков, так как в наступившие новые времена стало стыдно показываться в свете, не умея писать дамам любовных записок, и не владея искусством складывания галантных стихов. Вся эта мода пошла из блистательной Луары, из-за моря, и даже пустила корни в столице суровых северных королей Керта. И арморские дворяне уже не хотели прослыть деревенщиной.

Жрицы же Керидвен, никогда не бывшие белоручками, в новом, меняющемся мире, заняли место искусных швей, деревенских лекарок, кулинарок, а иногда и служанок в благородных домах – и в лесах, на месте прежних капищ, собирались лишь по особым дням. Неизменным правилом оставались ежеутренне творимые молитвы Богине, и созерцание её Внутреннего Света по вечерам. И служение простым людям, ещё более ревностное, чем раньше. Невена даже полагала, что если бы не Погромы, то Старая вера так и зачахла бы в лесах, а так она вновь густо и до поры скрытно проросла в народе. Так и существовали они бок о бок – новая – в замках, и больших городах, а старая – в деревнях и сёлах.

Но была и тёмная сторона нового порядка вещей – в мирской суете не было возможности уединяться надолго и упражнять тело и дух в тех тайных опытах, которые передавались от наставниц к ученицам веками и давали проявить скрытые телесные силы, силы Речи и Ума. Они-то и составляли тайное ядро знаний Старой Веры и теперь приходили в упадок. Невена понимала, что нужно как-то остановить это, но не знала, как. Встречи с адептами других Кругов тоже не давали ответа на этот вопрос. Одни говорили, что нужно открывать монастыри, наподобие тех, что были у служителей Унана (но как это сделать без согласия владетелей – не говорили), другие, те, чьи Круги сильно пострадали от погромов – что нужно поднять народ и изгнать служителей Единого, третьи – что ничего делать не нужно – раз такой ход вещей допущен Богами. Невена же просто жила, ждала, и верила, что Боги их не оставят. Брала себе учениц. Тайно учила всему, что знала сама. Они были способными. Она радовалась их успехам. Хотя и понимала, что весь их мир по-прежнему висит на волоске и зависит от прихотей Неметона и феодалов, среди которых почти не осталось приверженцев старой веры. Порою приходили и тоска, и отчаяние, и страх, но она отгоняла их неустанным трудом.

Но вот появился Фелиз. Позавчера он попросту вырос у неё на пути, на лесной тропе, и она его загодя не учуяла. Поклонился, назвал по имени: «Госпожа Невена», улыбаясь своей чарующей улыбкой. Открылся, и к ней хлынула его Сила, такая, какой не было и близко ни у кого из высших жрецов.

Он так и не рассказал ей, где пропал эти двадцать лет. Лишь намекнул, что это где-то «за границей привычного нам мира». Он вообще почти ничего не рассказал о себе.

Лишь о том, «что Боги послали его объединить Армор, прекратить вековую смуту, посадить на трон Единого Короля и вернуть Старой Вере её прежнее уважение». И почему-то Невена ему поверила. Потому что поняла, как именно должен выглядеть ответ Богини на её, годами льющиеся просьбы и молитвы. Богам в мире людей, видимо, сподручнее действовать через людей. Таковы их пути.

Уже светало, когда Невена добралась до своего домика, аккуратного, будто вросшего в землю, крытого тростником. На лужайке перед входом на маленьких клумбах росли во множестве целебные травы, отварами которых она пользовала недужных поселян. Пучки этих трав были развешаны под потолком у очага. Их тонкий аромат привычно вдохнула Невена, входя в дом. Всё было как обычно, но было и что-то ещё. Невидимые токи силы пронзили её, снимая усталость ночного бдения и похода, прогоняя ошметки печальных мыслей. Мелкие домашние духи, всегда крутившиеся подле её очага и встречавшие её обычно суетливой вознёй, теперь сидели смиренно по своим углам, и от них веяло аурой благоговения. Невена проследила источник этой силы. Она исходила от алтаря Керидвен, скрытого от посторонних глаз за вышитой занавеской. Сердце Невены забило чаще. Она подошла и осторожно сдвинула занавеску. Лик Богини, сделанный из дерева в стародавние времена, спасённый из пепелища лесного капища, потемневший от времени, очистился и теперь выглядел так, словно его только что вырезали из превосходного светлого ореха. И ещё, он теперь необъяснимым образом светился в полумраке дома. Невена рухнула на колени, и слёзы покатались у неё из глаз.

Как записано в звёздах

Когда радостно пропели петухи, Эриспо был уже на ногах. Полюбовавшись немного с замковой стены на восходящее над лесом солнце, граф в одних портках сбежал по лестнице во двор, где его уже ждал ушат колодезной воды. Облившись, он крикнул от удовольствия. По телу разлилась сила. Слуга уже ждал его, держа в руках одежду, пригодную для утренних тренировок. Рядом ожидал и напарник для учебного боя. Сегодня это был Съёк, молодой рыцарь, отпрыск знатного, но многодетного отца, большинство сыновей которого устраивало своё будущее, ходя в пажах у тех или иных сеньоров.

Подали учебные, затупленные мечи и щиты. Граф атаковал первым, нанося сокрушительные рубящие удары сверху. Съёк, не обладавший могучим телосложением и физической силой графа, старался не столько парировать, сколько уходить от ударов, крутился волчком, заставляя графа быть начеку, контратакуя с неожиданной стороны. Но Эриспо был опытнее, он быстро поворачивался, парировал и вновь переходил к своей сминающей тактике. Наконец, приняв на щит очередной молотобойный удар, Съёк не удержался на ногах, пал на одно колено и в тот же миг острие меча графа оказалось у его горла.

– Поднимайся, Съёк. Сегодня ты продержался много дольше и заставил меня хорошенько попотеть. Жду тебя за утренней трапезой.

Довольный похвалой графа, Съёк поклонился, и направился к колодцу – смыть трудовой пот. Эриспо зашёл на конюшню, проведая своего боевого коня, затем раздал обычные утренние распоряжения слугам, и наказал страже оповестить его о появлении у ворот «учёного из Ванна». Денёк обещал быть необычным, и осознание этого приводило графа в весёлое возбуждение. За зиму он определённо соскучился по приключениям.

Этой зимой ему стукнуло тридцать. И уже три года, как он один управлял своим графством в одиночку. Мать его умерла, когда ему было пять, супругой он так и не обзавёлся. Отец долго подыскивал ему партию, составляя свои хитроумные комбинации, сколачивая союзы, строя далеко идущие планы. За подходящей невестой для сына он отправился даже за море, в Луару. Но вместо невесты привёз оттуда какую-то хворь, и быстро угас. Говорят, его ещё можно было спасти, если бы он согласился последовать совету эконома и слуг, и обратился за помощью к искусной целительнице, Невене, жившей неподалёку, в Ландело. Однако, отец, ревностный сторонник Единого, отказался принимать помощь «от колдуньи». Он опасался, что душа его, вместо светлых райских чертогов, окажется в мрачных подземельях, где, по рассказам монахов, обитали души поклонявшихся старым Богам.

Когда же душа отца отправилась в светлые чертоги, на земле разразился ад. Все старые союзы, вассальные клятвы и договоры рухнули. Граф Мореак счёл это время удобным для свершения старой мести. Эриспо пришлось садиться в седло и мечом, а в промежутках между боями, словом – спасать свои владения от растерзания. Но, если бы не Тревёр, граф Монтабан, неожиданно пришедший на помощь, то от графства Скер осталось бы то, что обычно остаётся от овцы, доставшейся волкам. Тревёр, могущественный вождь, чьи владения располагались у подножья хребтов Менез, не был в числе союзников отца Эриспо, и ничем ему не был обязан, однако был в хороших отношениях с его дедом, и слыл приверженцем Луга, одного из Старых. За свою помощь он ничего так и потребовал, сказав лишь, что в будущем он, Эриспо – «возможно, окажет старому вепрю одну услугу».

Так или иначе, Мореак и его псы были побиты, но графство лежало в руинах, и все последние годы Эриспо провёл в седле, вновь собирая вассалов, принимая подтверждения старых клятв, восстанавливая порушенные деревни, собирая разбежавшихся вилланов, привле-

кая опытных воинов. Лишь этой зимой случился у него краткий отдых, но предчувствие говорило графу, что это было лишь затишье перед бурей.

Завтракал Эриспо в компании Съёка, Азу – пожилого эконома и Денеца-оружейника, человека могучей силы и отменного аппетита. Как-то, в бою, Денец, оставшись без оружия, атаковал коня и всадника голыми руками и повалил их обоих на землю. Он же изготовил новый доспех для графа, не единожды спасавший его в боях. Что касается Азу, то он служил ещё деду Эриспо, был человеком въедливым и ворчливым, но именно на нём держалось хозяйство замка, да и всего графства.

Завтрак из дюжины варёных яиц, лепёшек, вяленой оленины, нарезанной тонкими ломтиками, и сыра каждый запивал своим напитком: Денец отхлёбывал из кружки пиво, Съёк и Азу пили простоквашу, граф же пил настой из шиповника и каких-то других трав, который готовила ему Аэль. По её словам, этот напиток предохранял от простуд и иных хворей, а граф имел намерение дожить хотя-бы до рождения наследника, во всяком случае не помереть худой смертью, которой умер отец, и которую Эриспо считал недостойной воина.

– А правда ли, ваше сиятельство, что говорит молва? – Денец отхлебнул из кружки, вытер усы и продолжал, – Что по вам воздыхает прекрасная Аенор?

– Неправда, Денец. Я думаю, что даже если и воздыхала бы, то её отец имеет куда более достойный выбор кандидатов. Воистину, мне нужно совершить, что-то значительное, чтобы получить её руку, – лицо графа при этом приобрело мечтательное выражение.

– Например, выиграть турнир в Лангоннэ! – воскликнул Съёк, – а ведь это вам по силам, милорд, клянусь Тевтатом!

– Не клянись Тевтатом, Съёк, вдруг услышит преподобный Бастиан! – дружный смех стал ответом этой реплике графа.

– А почему бы вам, милорд, не попробовать вытащить меч Мериадока? Из вас бы получился отличный Единый король, клянусь Лу...эээ...Унаном, вот тогда граф Монтабан точно бы отдал за вас Аенор, – Денец вновь смочил усы и играющую улыбку в пиве.

Эриспо уставился на него. Он уже хотел было ответить, но его перебил молчаливый Азу: – Ваше сиятельство, позвольте заметить, что если год вновь будет неурожайным, то следующей зимой нам нечем будет кормить войско, и тогда нас действительно спасёт лишь меч Мериадока в вашей руке.

В это время, громяхая доспехами, вошёл начальник замковой стражи, поклонился и рявкнул:

– Милорд, там у ворот вас спрашивает какой-то мошенник, напоминающий колдуна или друида, который имеет наглость утверждать, что он учёный звездочёт из Ванна и вы его ждёте. Ну, так как вы распорядились заранее об этом, то мы не стали купать его во рву за его дерзкие слова.

– Какие слова? – граф прищурился.

– Он сказал, что пришёл помочь вам сделаться Единым Королём.

Глупая улыбка Денеца замерла у него на устах, с усом капало пиво. Азу почёсывал затылок, а Съёк даже привстал, и с обожанием посмотрел на графа, уже видя на его голове корону и, готовый выполнить любой его приказ, но лучше тот, который немедля призовет в поход.

– Впустите его, – граф нарушил недолгое молчание, – и приведите сюда. Послушаем, что скажут нам его звёзды...

Вскоре начальник стражи вернулся, сопровождая человека в чёрном плаще учёного. Капюшон плаща был откинут, и взору графа и его сотрапезников предстало красивое лицо, черты которого выдавали типичного армориканца, примерно одного с графом возраста. Его взгляд выражал смелость и достоинство аристократа, но в тоже время в нём было глубокое смирение учёного-монаха, знающего обо всех несовершенствах этого мира. Высокое чело све-

тилось умом, на обветренных губах играла лёгкая улыбка. Он поклонился графу и его свите и мягко произнёс:

– Ваше сиятельство, позвольте вам представиться, – меня зовут Фелиз из Ванна. В своей уединённой высокой башне я часто наблюдаю звёзды, которые, как говорит наша наука, влияют на судьбы людей. В звёздах я прочитал, что Вас, милорд, ожидает великая судьба. Так как наша несчастная страна уже более ста лет находится в разделённом состоянии, без единого закона и мудрого властителя, то я поклялся сделать всё от себя зависящее, чтобы содействовать вашему смелому замыслу – помочь вам соискать корону Единых Королей!

– Моему замыслу..., – меланхолично повторил граф. Хорошо, чем же ты можешь мне помочь, учёный из Ванна?

– Некоторые мои коллеги полагают, что в звёздах записаны судьбы людей от их рождения до самой смерти, и человеку не дано изменить свою участь. Я же, напротив, твёрдо знаю, что звёзды предоставляют пути для человека, а воспользоваться ими или нет – только в его власти. Я вижу ваши возможные пути, так же ясно, как и линии на своей ладони. И могу вам подсказать, куда они ведут. Ваше право решать, пойдёте ли вы этими путями. Сейчас же я ясно вижу, что путь ваш ведёт в Ренн, к стене Неметона, где, вогнанный силою великой скорби последнего короля Армора, Мериадока, по самую рукоять, ждёт его Меч, ждёт силы руки того, кто по мысли Мериадока единственный способен им владеть. Того, кто обладает всеми достоинствами и качествами Короля, кто выше эгоистических и мелких интересов владельцев, кто способен сплотить разделённый народ Армора и повести его за собой, возродить его Древнюю Славу.

И кому нечего терять, становясь на этот путь, – тихо добавил он.

Граф молчал. Он обвёл глазами своих сотрапезников. Их лица были необычайно торжественны, словно они уже давали Ему присягу. Даже на грубом и помятом лице начальника стражи проступили пятна, словно он был юношей-пажом, признающимся в любви молоденькой дочери господина. Эриспо вдруг ясно понял, что ошибись он сейчас с ответом этому незнакомцу, и ему придётся впоследствии горько об этом пожалеть. Потому, что его люди, даже Азу, на старческой щеке которого вдруг блеснула слеза, уже поверили «звездочёту». Они уже видели его, Эриспо – королём. Они сейчас напряжённо ждали, словно от его слов зависела вся их жизнь и даже нечто большее.

В воздухе словно что-то сгустилось. Напряжение нарастало. В абсолютной тишине прозвучал нелегко давшийся графу спокойный голос:

– Ну что же, готовимся... в поход на Ренн. Попробуем добыть этот чёртов меч. В конце концов, большого позора от этого не будет... не я первый... И разве не соскучились мы за зиму по хорошему делу?

Опасный тракт

Отряд Эриспо втянулся в лес. Могучие ветви дубов, грабов и буков разом скрыли от людей ласковое весеннее солнце. Потянуло сыростью и прохладой. То тут, то там между стволами стали попадаться массивные, поросшие мхом валуны, молчаливые свидетели древних лет. Южные отроги Менеза были совсем неподалёку, и вскоре слева открылись скальники, с которых кое-где стекала вода, чтобы пересечь тракт ручьями.

Тракт этот, начинавшийся во владениях графа Монтабана, проходил в основном по лесам и предгорьям Менеза, Большого Отпорного Хребта, отделяющего Армор от Кертских земель на Севере. Древними армориканцами была выстроена здесь линия укреплений и связывающих их дорог, и она долго сдерживала натиск северных варваров, но затем была заброшена, укрепления превратились в руины и поросли мхом, самшитом и остролистом. А дорога осталась, и её использовали изредка купцы, когда им надо было объехать кругом земли враждующих графов Запада, чтобы попасть в Срединные Земли. А эта земля была ничейной, на много миль здесь не было ни селений, ни даже разбойничьих вертепов, поскольку им было обычно нечем поживиться на безлюдном тракте.

Эриспо и его спутники выбрали этот путь, поскольку прямая дорога из замка Скер в Ренн проходила прямо через владения графа Мореака, который с радостью бы оказал путникам своё «гостеприимство». Отряд был небольшим, но достаточным, чтобы отразить нападение случайных разбойников или летучего отряда какого-нибудь обедневшего барона, промышлявшего грабежом. Двадцать всадников и пять телег с провизией и палатками, на которых разместиться ещё с полтора десятка пеших воинов – это все, кого мог взять с собой граф, чтобы не оставлять родовой замок без защиты.

Впереди, в арпане¹ от основной колонны выдвинулись разведчики, зорко поглядывая по сторонам и держа наготове заряженные арбалеты.

Рядом с графом, на гнедом жеребце ехал Фелиз. Лицо его было спокойно, и казалось, ничего не выражало. Похоже, все свои слова он уже высказал ещё в замке, и теперь хранил гробовое молчание, что всё больше раздражало пылкого графа.

– Фелиз!

– Да, милорд, – Фелиз повернулся лицом к графу, и на губах его вновь заиграла лёгкая улыбка.

– Знаешь, Фелиз, нас, простых людей, не якшающихся с Древними Богами, заботят простые вещи – вкусно поесть, сладко поспать и скоротать дорогу в беседе. Ты же не произнёс ни слова с самого утра. Должно быть, ты обдумываешь планы, как нам завоевать корону, Фелиз? Что тебя заботит?

– Ничего не заботит, милорд. Я просто смотрю на дорогу, люблю лесом, вдыхаю его запахи...

– Ты хочешь сказать, что в твоей голове нет никаких мыслей, Фелиз, – усмехнулся граф.

– Нет, милорд, пока они мне не нужны, их там нет.

– Так не бывает, Фелиз! В голове всегда крутятся чёртовы мысли!

– Бывает... но этому надо учиться.

– Ах да, конечно, – насмешливо уронил граф, – и всё же не откажи мне в удовольствии и побеседуй со мной, с твоим будущим королём.

– О чём бы вы хотели услышать, ваше сиятельство?

– Расскажи мне о Древних Богах, Фелиз. Ты их видел? Говорил с ними?

¹ Арпан – мера длины, около шестидесяти метров.

– Вернее сказать, они говорили со мной. Это было, как услышать голос, но не увидеть его источника. Увидеть же Богов в привычном смысле мне пока не доводилось. Они не подобны нам.

– Фелиз, послушай, я иногда думаю, что я – круглый дурак. Из-за того, что доверился тебе в этой авантюрной идее. Признаться, я сделал это из скуки и понимания того, что будущее мне не сулит ничего хорошего – лишь утомительные заботы о сохранности моих жалких владений от набегов алчных соседей. А в душе я хотел бы отправиться за море, на Юг, вступить в свиту Луарийского короля, или даже на северо-запад, где король Альбиона созывает под свои стяги лучших рыцарей мира, для освобождения святого гроба Короля Артура от нечестивых кочевников.

– Понимаю, милорд. И вновь повторю, что здесь вас ждёт не менее блестящее будущее. Если мы прямо сейчас не угодим в засаду...

– Засаду, Фелиз?

– Да, ваша светлость. Засаду. Мы скоро въедем в теснину. Прикажите людям остановиться.

Поскольку это было произнесено самым серьёзным тоном, граф без промедления отдал короткий приказ. Разведчики тоже замерли впереди.

– Милорд, пора людям отдохнуть, – Фелиз первым соскочил с лошади, – пошлите разведчиков пешком обследовать осторожно скалы впереди, но не со стороны дороги. Возможно, там таятся наблюдатели.

– Разбойники, Фелиз? – граф нахмурился, – в эту пору?

– Возможно. Дайте мне время. Я попробую яснее увидеть, что там таится, но для этого мне нужен покой.

С этими словами он направился к ближайшему дереву, огромному грабу, уселся в его корнях и закрыл глаза.

Сознание Фелиза через несколько глубоких вдохов отрешилось от топота коней, лошадиного фырканья, и людских голосов. Словно всполох пламени, оно рванулось вверх, выскользнуло из макушки, устремилось к верхушкам деревьев. Фелиз видел всю поляну сверху, словно пролетающая птица. Он теперь и был птицей. Послушно скользя на крыльях тончайшего эфира, он устремился вдаль, туда, где деревья расступились, а тракт, словно змея, втягивался в теснину, образованную двумя скальниками, что ступенями поднимались справа и слева.

Сначала он увидел двоих притаившихся за камнями наблюдателей, а затем, в пяти арпанах, целый отряд, расположившийся под деревьями в ожидании сигнала. Дымок поднимался от их походных котелков, воины чистили оружие и переговаривались. Их было не меньше двух дюжин. Тем временем полёт и ощущение полной свободы захватывали освобождённое сознание Фелиза. Однако в этом таилась величайшая опасность, – так и не вернуться в оставленное у корней дерева, словно ещё одна деревяшка, собственное тело. Увидев всё, что надо, Фелиз мощным усилием воли повернул обратно...

Граф стоял поодаль от погрузившегося в себя «звездочёта». Он видел, как лицо Фелиза на какое-то время одеревенело, словно у мертвеца. Затем, спустя несколько минут глаза его резко открылись, он судорожно вдохнул, закашлялся и стал заваливаться на бок. Эриспо подбежал к нему, намереваясь хлопнуть по спине. Фелиз увидел графа, отстранился, его лицо продолжало сохранять странное, полуживое выражение. Наконец, с трудом, он произнёс:

– Милорд, там две дюжины воинов... ждут нас. Луки, арбалеты, копья... это не простые разбойники. На тракт нельзя – перебьют сверху...

Граф выпрямился. Его лицо приобрело хищное выражение. В столпившихся воинов, как стрелы, полетели приказы. Несколько человек отправились искать тропу, другие привязывали лошадей, третьи доставали с телег оружие.

Показались разведчики. Они волокли третьего, который был почти без памяти, на его голове, в спутанных волосах, проступала кровь.

– Там был... ещё один, – Фелиз, похоже, пришёл в себя.

– Был. Отдыхает со стрелой в груди. Хотел поднять тревогу, но не успел.

– Хорошо...

Граф подошёл к пленнику:

– Чьих будешь, мошенник? Кого ждали?

Воин поднял голову, сплюнул под ноги.

– Тебя.

– Граф уже разглядел цвета на его жюпоне²

– А...достолавный граф Мореак уже опустился до уровня гнусного разбойника, и караулит меня на большой дороге. Из засады. В то время, как официально объявлен мир. Он с вами?

– Много чести для тебя, Скерский волчонок. Мы должны привезти ему твою голову.

– Не в этот раз. Свяжите его. Поедет с нами в Ренн, расскажет в магистрате о своём хозяине. Хочу, чтобы купцы забыли к нему дорогу. Остальных – не жалеть.

Спешенный отряд углубился в лес по разведанной тропе, едва различимой среди прошлогодней листвы и камней. Тропа петляла, то и дел пропадая. Фелиз шёл с ними, хотя ещё чувствовал слабость, указывая направление. Их движение до поры, до времени прекрасно скрывали большие валуны, которые то и дело приходилось обходить. На некоторых из них Фелиз разглядел знакомые, полустёртые Лики Богов...

Наконец, показались дымки от походных костров. Воины Мореака как раз обедали, ни о чём не подозревая, до слуха графа и его людей доносились беспечные возгласы и взрывы хохота.

Вперёд выдвинулись лучники, свистнули стрелы – и несколько неприятельских воинов с глухим стоном повалилось прямо в тлеющие угли костров. Граф Эриспо истошно заорал: «За Волка!» и его воины помчались сквозь лес на ошеломлённого врага...

² Жюпон – стёганный камзол, обычно надеваемый под доспехи.

Пророчество и баллады

Отряд наконец одолел вершину холма. Перед Эриспо и его спутниками открылась обширная долина, прорезаемая широкой рекой, на которой были видны во множестве лодки и суда покрупнее. Это был Эмрод, река-кормилица, берущая своё начало в ручьях, стекающих со снежных вершин Менеза и несущая свои воды в морской залив Дуарнен. На дальнем берегу реки раскинулся город, в центре которого виднелись шпили могучей цитадели, высились колокольни храмов Единого, виднелись стены, облепленные с внешней стороны домиками предместий, где жили купцы, мастеровой люд и простонародье. Ленточки дорог стягивались к воротам, у ворот происходило непрерывное движение – входили и выходили пешие люди, въезжали и выезжали всадники и упряжки, гнали скот. Город Ренн жил и дышал перед ними.

Счастливо избежав засады, отряд ещё два дня был в пути, пока не вышел из горных теснин на равнину. На телегах теперь лежало оружие и доспехи убитых воинов графа Мореака, и сидели двое пленных, одним из которых был взятый первым дозорный, а вторым – шевалье Тонан, считавшийся одним из приближенных к графу людей и возглавлявший отряд. Прочие пали в бою, мужественно защищая предводителя, и их трупы были оставлены на месте боя, где о них уже позаботились лесные хищники. Отряд Эриспо потерял двоих, оба воина пали от руки шевалье Тонана, разбитое лицо которого, всё в кровоподтёках, хмуρο выглядывало из-под капюшона. Пленных Эриспо хотел предъявить гильдии купцов Ренна, как подлых разбойников, промышлявших на тракте в нарушение мирного договора, надеясь таким образом отвадить торговый люд ездить через владения графа Мореака и тем лишить его части доходов.

Спустившись с холма, отряд въехал через ворота предмостного укрепления на широкий и крепкий каменный мост. Стража встретила графа Скер, как человека, пользующегося в городе некоторой известностью и признанием за то, что он неоднократно в прошлом выказывал уважение к городским и купеческим свободам и привилегиям, в отличие от большинства других владетелей, с презрением относившихся к «городскому сброду».

Фелиз, ехавший по правую руку графа, не преминул отметить это:

– Ваше сиятельство, люди кланяются вам, искренне выражая почтение, думаю, вскоре соберётся большая толпа, чтобы посмотреть на то, как вы извлекаете меч.

– Фелиз, ты думаешь, что мой позор должно видеть как можно больше людей? – ответил граф, посмеиваясь.

– Думаю, мы непременно соберём весь город, если конечно все поместятся на его площади, – невозмутимо заметил Фелиз.

– Ты не бывал в Ренне, Фелиз?

– Увы, нет, мне здесь всё удивительно.

– Отсюда старые короли правили Армором. Как пишет святой Падриг, раньше улицы города были просторными и чистыми, и все они вели к королевскому замку. А сейчас тут легко запутаться, или ненароком утонуть в грязи.

Въехав в город, путешественники, привыкшие к ароматам леса и весенних лугов, тотчас уловили характерный «городской» запах, запах неубранного конского навоза и нечистот. Люди передвигались по узким и относительно чистым тротуарам, к которым примыкали канавы, издававшие зловоние. Между ними было скользко и грязно, так что только конный мог чувствовать себя относительно комфортно.

Добравшись до постоянного двора, граф распорядился относительно людей, коней и пленников, сам же, вместе с Фелизом и Бертрамом, верным слугой и телохранителем, направился на улицу Роз, знаменитую своими более пристойными гостиницами и тавернами. Граф,

бывавший в Ренне в молодости, сразу направился к «Старине Алэну», знакомому заведению, с просторным залом и уютными комнатками наверху.

Хозяин гостиницы, пожилой, но энергичный месье Стивелль, только заметив входящего графа, зычным голосом воскликнул:

– Ха, вот это сюрприз! Это же Эриспо, сиятельный граф Скер! – и головы полутора десятков посетителей повернулись к вошедшим.

– Да, старина Алэн, это я. Вот, желаю остановиться у тебя на пару дней, а там посмотрим...

– Конечно, ваше сиятельство, есть две комнаты к вашим услугам. Разрешите полюбопытствовать, какое дело привело вас вновь в наш город? Вас, кажется, не было здесь четыре года...

– Пять, Алэн. Вот, месье Фелиз, мой спутник, учёный из Ванна и расскажет тебе, какое у меня тут дело... а я, пожалуй, поднимусь в свою комнату и отдохну, пока готовится ужин.

С этими словами, Эриспо, взяв ключи, загромыхал по лестнице вверх. Следом поднялся Бертрам. Алэн замер в ожидании, переведя взгляд на Фелиза.

– Месье Фелиз? Рад знакомству. Вы весьма молоды для учёного...

– Всякий учёный был когда-то молод, – улыбнулся Фелиз, – а я бы присел и выпил бы немного сидра.

– Разумеется, месье Фелиз, – поняв, что его любопытство будет удовлетворено, лишь, когда он выполнит свои обязанности, Алэн ушёл раздавать распоряжения об ужине.

Фелиз присел за столик и задумался. Завтра нужно будет нанести визит к Адеодату, епископу Неметона, первому духовному, да и светскому лицу в городе. Лишь с его позволения можно будет извлекать меч, который последний король Армора Мериадок вогнал в камень стены этого собора, сопроводив это действие словами пророчества, которому исполняется уже сто пятьдесят лет. Почему он сделал это именно здесь? Очевидно потому, что в именно в Неметоне уже жили тогда монахи, ведущие летописи государства, и Мериадок хотел, чтобы его слова были не только услышаны, но и записаны. Теперь же, именно Адеодат и его монахи будут теми главными свидетелями, которые должны подтвердить факт извлечения меча и претензии Эриспо на королевский титул. Ибо пророчество гласило:

«Род мой угас. Но кровь моя течёт во многих жилах.

Увы, лишь кровь, но не великий ум.

И ждать Армору суждено, покуда,

Не явится сюда достойный,

Кто кровь мою с умом, способным мудро править

Соединит. Ему поддастся меч

Он станет королём...»

Род Эриспо (точнее род его матери) происходил от одной из побочных королевских ветвей, давно увядших. А ум? Граф, без сомнения был неглуп, благороден, но покуда не проявил себя в полной мере. Впрочем, на него недвусмысленно указали Боги и Старшие, так что – к чему сомнения?

Фелиза смутила лишь необходимость союза с Адеодатом, жрецом веры в Единого. Его авторитетом и под сенью его веры будет утверждено право Эриспо быть королём. Но по замыслу тех, кто послал его, новый король должен править, осенённый также и светом Старой Веры, как правили в прошлом Короли Армора. И хотя он и передал поручение матери Невене, кто знает, явятся ли Они на его зов?

Раздумья Фелиза прервал Алэн, принёсший сидр. Когда он ставил кружку на стол, его рукав обнажил запястье, и Фелиз разглядел на его коже синие узоры в виде переплетающихся ветвей.

– Ты был бардом, Алэн?

Вопрос Фелиза застал хозяина гостиницы врасплох. Минуту он соображал, а его лицо меняло выражения от искреннего и тревожного удивления до притворного изумления.

– Бардом, месье? Вы должно быть хотели сказать, арфистом? Я был придворным арфистом, потом странствующим менестрелем, потом вот на сколоченный капиталец открыл гостиницу. Не вечно же странствовать по дорогам...

– Узоры на твоих запястьях, Алэн, говорят мне, что ты – посвящённый бард из круга Огмы. Ты можешь не таиться, друг Богов, – с этими словами Фелиз обнажил своё левое запястье.

– Керидвен, хм..., давно это было, друг богов Фелиз. Правда, будто бы в другой жизни. Я ушёл из круга. Теперь я верую в Единого, как и все добропорядочные горожане Ренна.

– И именно поэтому на вывеске твоей гостиницы начертан знак Огмы, а по углам висят обереги Керидвен...

На лице Алэна отражалась мучительная борьба. Он угрюмо молчал, словно пойманный с поличным.

– Алэн, недостойно барда из круга Огмы таиться и стесняться своей веры. Надеюсь, скоро и в Ренне, и повсюду в Арморе не будет в этом необходимости. Спой нам за ужином, Алэн. Покажи старое искусство.

– Хорошо месье Фелиз. Я спою, – было видно, что внутренняя борьба закончилась. Лицо его теперь выражало решимость.

За маленькими занавешенными окнами ступились сумерки. Снаружи зажгли факелы, а внутри – свечи и масляные светильники, жарче растопили камин. Граф и Бертрам спустились к ужину, подошёл и Съёк, доживший, что люди графа устроены, коням задан корм, а пленники уже находятся в городской тюрьме, и что гильдия купцов Ренна знает о засаде на тракте. «Они здорово разозлились на графа Мореака» – с усмешкой добавил Съёк. Все четверо налегли на ужин, запивая его кисловатым сидром.

Алэн тем временем вынес арфу, украшенную искусной резьбой. Заняв место у камина, он объявил посетителям, что в честь графа Скер и его благородных спутников он исполнит сегодня несколько баллад. И вот полилась искусная благородная музыка. Алэн пел о героях старины, о древних королях, изгнавших из Армора захватчиков – кертов, и с каждым новым куплетом его облик преображался. Из подобострастного хозяина гостиницы он на глазах превращался в статного, хотя уже и немолодого арфиста, на высоком лбу которого отражались мудрость и талант. Публика слушала, затаив дыхание, взрываясь аплодисментами после каждой песни. Видно, Алэн не часто баловал своих завсегдатаев своим искусством. Сегодня происходило что-то особенное.

В зал тихо вошли четверо, закутанных в плащи, их лица были скрыты капюшонами, и так же тихо заняли стол в дальнем углу зала, в полутёмной нише. На их появление никто не обратил внимание, кроме Фелиза. Он разглядел, что один из них при входе сотворил особый знак своим посохом, а ещё заметил, что одной из вошедших, судя по фигуре, была женщина.

Жажда мести и... дудочка

Армор – страна преимущественно равнинная, за исключением севера, где вздымает свои вершины суровый Менез, и запада, где к морю сбегает скалистая гряда Лотерека. В остальном же взору путника предстают чуть всхолмлённые равнины, где возделанные поля перемежаются изумрудными лугами для выпаса скота, а вдоль несущих в море свои бело-зеленоватые воды речек, у переброшенных через них изогнутых каменных мостов россыпью домов расположились деревеньки. Здесь испокон веков жили вилланы, обрабатывая свои поля, возделывая сады и разводя животину. Армориканцы любят делать блинчики с разной вкусной начинкой, в большинстве домов из яблок и груш делают хороший сидр. А вот виноград и вино здесь редкость. Его купцы завозят из южных стран, да и водится оно на столах знати, а не бедняков. В центральной части страны мало городов, лишь деревеньки и замки владельцев, стоящие на возвышениях. Веками здесь живут по установленному в стародавние времена порядку, и время здесь течёт очень медленно, как бы нехотя.

Редко, но встречаются в этой части страны одинокие утёсы, словно окаменевшие великаны, застигнутые врасплох посреди равнины неизвестным могучим колдуном. На таких, словно нарочно предназначенных для того природой местах, феодалы любят воздвигать свои замки. И замок Мореак, цепляющий низкие облака своими шпилями, был воздвигнут на самом высоком из них.

Его мощные стены и башни казались излишними, ведь на вершину вела лишь одна круто поднимавшаяся, извивавшаяся подобно змее, тропа. С прочих же сторон высились неприступные скалы. Замок и слыл неприступным, и даже измором он ни разу не был взят, так как внутри, в пещерах имелся в замке собственный источник воды, а кладовые были всегда подготовлены на случай длительной осады и забиты провизией. Замок мог долго оборонять даже небольшой гарнизон. Отсюда, с высоты своего положения, графы Мореак диктовали свою волю населению окрестных деревень, собирая дань с вилланов и плату за защиту и покровительство с вассалов благородного происхождения. Отсюда они зорко следили за проходившим по близости широким и удобным трактом, основной торговой артерией, связывающей запад и центр страны, взывая с купцов пошлины за провоз товаров. Так они богатели, что позволяло содержать графам немалое войско и угрожать соседям.

Догмаэль, названный так в честь своего трагически погибшего отца, был уже не совсем молодым человеком. Двадцати восьми лет от роду, опытный воин и вождь, богатый и могущественный, он был женат, и имел наследника. Однако был у него порок, накладывающий неизгладимый отпечаток на его характер, делающий его жизнь и жизнь зависящих от него людей поистине невыносимой. Многие люди его положения были часто подвержены вспышкам гнева и злобы, но большинство – отходчивы. Догмаэль же не мог успокоиться, пока его гнев не находил выхода в мести. Обидеть его страшилось, ибо в его лице приобретали опасного врага, неусыпно думающего об отмщении обидчикам. И самым злейшим его врагом слыл Эриспо, граф Скер, вражда к которому выходила за всякие разумные пределы.

Пятнадцать лет назад Эриспо, тогда совсем ещё юноша, недавно посвященный в рыцари, впервые принял участие в большом турнире, по традиции проводимом в Лангонне тамошним владельцем, одним из самых могущественных в Арморе. На удивление всем, этот юноша тогда легко победил нескольких более старших по возрасту и опытных соперников и заслужил право участвовать в Мелэ – групповом поединке. В этой свалке, где участвовали по три десятка рыцарей с обеих сторон, Эриспо в первой же сшибке поразил копьём старшего брата Догмаэля – Ренана. Обломок копья попал сквозь щель шлема прямо в глаз несчастному Ренану, и вскоре тот скончался. Догмаэль, потерявший отца, а теперь и брата, но ставший бла-

годаря этой внезапной смерти в тринадцать лет полноправным графом Мореак, глубоко возненавидел Эриспо и поклялся отомстить. Но случай представился ему лишь три года назад, когда скончался могущественный отец Эриспо. Войско Мореака обрушилось на соседа, предавая огню и мечу деревни и городки. Однако, вопреки неравенству в силах, графу Скер удалось тогда выкрутиться, заручившись помощью могущественного соседа, графа Монтабана, который таким образом добавил своё имя в список злейших врагов Мореака. Догмаэль был разбит, погибло множество воинов, а с оставшимися он был осаждён в своём замке и вынужден был пойти на унижительный мир. С тех пор отмщение обидчикам стало смыслом всей его жизни.

Догмаэль умел ждать. Новый случай представился ему полгода назад, когда к нему привели некоего плохо одетого юношу с всклокоченными волосами и болезненным лицом, представившегося слугой в замке Скер. Пропустив мимо ушей его всхлипывания по поводу неверности его невесты (в чём виноват был Эриспо, якобы соблазнивший её), Догмаэль внимательно выслушал юношу по вопросам, касающимся обороноспособности замка, охраны и другие полезные сведения. Поборов в себе немедленное желание вложить в руки жаждавшего мести юноши кинжал, граф Мореак приказал сообщить, когда Эриспо соберётся выбраться достаточно далеко от собственного замка, в надежде внезапно перехватить его. И вот неделю назад от юноши пришла весть о готовящейся поездке графа Скера в Ренн! Это был прекрасный случай, которым Мореак не замедлил воспользоваться.

Но судьба не во всём благоволила его замыслам. Желая лично подкараулить на тракте и убить ненавистного врага, граф Мореак, сбегая по винтовой лестнице, вдруг некстати подвернул ступню.

Ступня распухла, графу позвали лекаря, и от поездки пришлось отказаться. Возглавившему отряд шевалье Тонану граф приказал доставить Эриспо живым, и теперь не находил себе места в ожидании. Лекарь искусно вправил ступню, но наступать на неё было всё ещё больно. Боль физическая и душевная терзали графа, давая выход в раздражении. В такие часы его жена и дети скрывались от его глаз, слуги тоже прятались. В мрачном замке Мореак не находил себе места смягчающие влияния нового века – не звучала музыка менестрелей, не приветствовались занятия чтением, лишь грубые пиры, охота и упражнения с оружием составляли досуг графа. Сейчас и это ему было недоступно. Граф сходил с ума, а люди или хотя бы вести с севера так и не приходили.

Первенцу графа, Гебриену, уже исполнилось десять. Это был жизнерадостный мальчуган, с тонкими чертами лица, белокурый, с голубыми глазами. Как говорили старики, характером и внешне он пошёл не в отца, а скорее в его старшего брата, несчастного Ренана. Мать любила его, но была поглощена заботами о двух его малолетних братьях и трёх сёстрах. Отец уделял ему мало внимания, определив сына на воспитание к Гильдасу, пестуну семьи Мореаков, воспитавшему и самого Догмаэля. Но Гильдас был уже стар, утратил былой пыл мудрого наставника, и часто засыпал за собственными лекциями по истории Армора и по военному искусству. Мальчуган мог легко обвести его вокруг пальца и сбежать с урока. Он любил потешные бои на деревянных мечах и стрельбу из лука, но была у него тайная страсть, знай о которой отец, то мальчику было бы несдобровать. Дело в том, что маленький Гебриен любил играть на дудочке и воображать себя менестрелем. Дудочку подарил ему поварёнок Дидель, он же тайком научил графского сына на ней играть. Дидель, которому было шестнадцать, успел постранствовать с одним менестрелем не только по Армору, но и по землям за Менезом. Он все уши прожужжал Гебриену про прелести кочевой жизни музыкантов, умолчав о том, что менестрель его умер по дороге, а он вынужден был голодать, пока не прибил к кухонной челяди в замке Мореак.

Воображение рисовало Гебриену прекрасную вольную жизнь менестреля за пределами стен замка, путешествия и приключения. Он даже решил стать странствующим рыцарем-мене-

стрелем, хотя не был уверен, существовали ли такие в природе. Ведь даже обычных менестрелей он никогда не видел – отец давно отвадил их от своего замка.

Сегодня мальчик, заверив Гильдаса, что пошёл во двор пострелять из лука, а мастеру лучников заявив, что сегодня у него занятия по географии с Гильдасом, забрался на крышу сторожевой башни, где никто его не мог увидеть и услышать. Смотря с головокружительной высоты на открывшиеся окрестные виды – поля, перелески, дороги и крохотные домики вилланов – Гебриен достал дудочку и стал наигрывать одну за другой мелодии, которым его научил Дидель: «Пастораль», «Ан дро», «Во славу сидра» и другие. А затем, отложив дудочку стал напевать «Лебеда»:

Белый лебедь, белый лебедь из-за моря,

Прям под стенами Армора!

День, день, дон! К бою! К бою!

Ох! День, день, дон! Мой волшебный меч со мною!

Воображение унесло его в дальние страны, где прекрасные рыцари и дамы в светлых, огромных пиршественных залах внимали бы его балладам, и даже короли одаривали бы его своим вниманием. Но нужен был план, как вырваться отсюда, где день за днём проходили в однообразных и скучных занятиях.

Для начала мальчик решил отпроситься у отца в поездку с графом Алэном Плюгастелем, который гостил в их замке уже несколько дней. Алэн был братом его матери, графини Беатрис, и нравился мальчику, так как обладал более жизнерадостным нравом, чем его отец и большинство мужчин в замке. Гебриен считал себя уже достаточно взрослым для такого путешествия, умел хорошо ездить верхом. Разумеется, дудочку он возьмёт с собой и надёжно спрячет её за пазухой. И может быть, весёлый дядя Алэн разрешит ему на ней сыграть...

Внезапно шум опускаемого подъёмного моста прервал грёзы мальчика. Кто-то приехал! Ловко спустившись по скату крыши, мальчик юркнул в бойницу, стремглав спустился вниз по лестнице, и через несколько минут уже был во дворе. Там он увидел отца, угрюмо слушающего некоего человека, одетого как купец. Люди вокруг шептались, что человек этот прибыл из самого Ренна и принёс какие-то необычные новости. Уже образовалась толпа. Мальчик протиснулся поближе и услышал, как отец спрашивал:

– Ну, не томи, говори прямо – кто же этот дерзкий, объявивший себя Единым Королём? Кто сумел выгащить меч из камня? Как его имя?

– Это Эриспо, граф Скер, ваша светлость – дрожащим голосом ответил купец из Ренна.

– Врёшь, собака! – отец Гебриена вдруг издал нечеловеческий вопль и с размаху ударил купца прямо в лоб своим тяжёлым кулаком.

Купец рухнул на землю. Его унесли.

Меч Мериадока

Утренние переговоры с преподобным Адеодатом завершились быстрее, чем ожидалось. Оказалось, что месяцем ранее здесь уже побывал кандидат в короли (а сколько их было за полтора века!), захудалый барон с востока. Адеодат предложил ему попробовать свои силы вдали от чужих глаз, ночью. Барон так и сделал, чем счастливо избежал участи быть ославленным на весь город.

– Может быть, Ваше Сиятельство изволит поступить так же? – Адеодат, высокий и стройный священник в коричневой сутане, мягко улыбнулся в свою чёрную с проседью бороду.

– Нет, Ваше Преподобие, я настаиваю, чтобы всё происходило на глазах у горожан, отцов города, представителей цехов и купеческой гильдии, гильдии стражников и всех иных достойных сообществ. Я также прошу вас, отец Адеодат, зачитать со ступеней храма пророчество Мериадока в его полной форме, как было завещано им самим. – Граф сказал это таким уверенным тоном, что стоявший за ним Фелиз незаметно кивнул.

– Чтить завещание последнего короля – это наша святая обязанность. И конечно это будет сделано. Но, – добавил отец Адеодат с хитрой улыбкой, – там также упоминаются такие объектусы, как «старые боги» ... Вряд ли стоит упоминать об этом сейчас, когда вера в них давно угасла, или, может, едва теплится лишь в самых глухих уголках Армора?

– Вам бы так хотелось, преподобный отец, но, замечу – мой дед придерживался старой веры, и мой добрый сосед, граф Монтабан и поныне её держится. Как бы дело ни обстояло, я не хочу, чтобы кто-нибудь из моих будущих подданных упрекнул меня, будто я что-то от кого-то утаил. Всё должно быть совершено строго в соответствии с завещанием. И такой честный и уважаемый человек, как вы, преподобный отец, как нельзя лучше всё исполнит. А поскольку в городе, как вы утверждаете, нет почитателей старины, то о чём беспокоиться?

– Хорошо, граф. Между нами, вы внушаете мне уважение своей уверенностью. Таких соискателей я ещё не встречал. Надеюсь, вы понимаете, что делаете. Значит, завтра, в полдень. Удачи, Ваше Сиятельство, – Тут Адеодат церемонно поклонился, и просители сделали то же самое. Затем они покинули храм и направились в гильдию купцов. День обещал быть хлопотным...

Вскоре весь город жужжал, как растревоженный улей. Графа стали узнавать, кланяться, пряча улыбку, а иногда и откровенно смеясь вслед. Эриспо держался уверенно, его уже захватил азарт, Фелиз, обычно каменно-спокойный, тоже стал проявлять признаки человеческих эмоций. В гильдии купцов их встретили радушно бородатые, богато одетые старшины, отличительной особенностью которых был непрерывно извергаемый ими поток слов и жестуляция, как у их знаменитых южных собратьев из Токканы, товары и корабли которых побывали в каждом порту известного мира. Впрочем, армориканские купцы и мореходы тоже были знамениты. Старшины гильдии наперебой поносили графа Мореака, славили Эриспо и предлагали ему ссуду «под небольшой процент». Они знали, что владельцы часто нуждались в деньгах. Узнав же, что граф будет пытаться «вытащить чёртов древний меч Мериадока», они пришли в восторг, пообещав, что «если он станет королём, то получит самый льготный процент во всём Арморе». Эриспо пообещал подумать, а пока посоветовал купцам избегать путешествовать через земли Мореака и торговать с ним. И хотя дорога через его графство была самой прямой, купцы (и раньше недовольные пошлинами, которыми Догмаэль обложил их), единодушно поддержали это предложение.

Вечером в таверну «Старина Алэн» набилось немало любопытного народу, прознавшего, где остановился граф Скер со свитой. Вполголоса пересказывался слух о том, как доблестный граф сразился с целой сотней воинов графа Мореака, разбойничавших на Северном

Тракте, и всех их победил. И вообще он, мол, поклялся очистить дороги Армора от разбойников. Когда Эриспо со свитой спускался по лестнице к ужину, шептание превратилось в гул, затем внезапно всё стихло – и в отчётливой тишине откуда-то из полутёмной ниши раздались хлопки, тут же подхваченные всеми присутствующими. Эриспо ответил лёгким поклоном. Появившийся рядом с ним Алэн Стивелль восторженно произнёс:

– Ваша светлость, сегодня здесь собрались только ваши друзья. Дозвольте, я сыграю для вас!

– Сыграй для всех, Алэн – громко ответил граф, чем вызвал новый шквал аплодисментов.

Рядом с Алэном, чья арфа уже стояла у камина, откуда ни возьмись, появился парень с виелой, потом ещё один, с бомбардой – дудкой с особо пронзительным голосом, присоединился и бойранист³, отбивавший ритм отполированной овечьей косточкой. Вновь жарко запылал камин. В кружках пенился сидр, а графу и его свите подали изысканного токканского вина. Вечер обещал быть с огоньком.

После ряда быстрых и хорошо известных публике номеров, припевы которых посетители громко горланили хором, к Алэну подошёл человек, чьё лицо было скрыто капюшоном и шепнул что-то ему на ухо. Алэн кивнул, затем с лукавой ухмылкой обратился к публике:

– Ребята, мы все тут люди благопристойные, верующие в Унана, Господа нашего, не так ли? – ответом ему стало несколько подтверждающих нестройных голосов, остальные что-то неразборчиво пробурчали.

– Но мы, люди тёмные, по старинке не забываем также и Старых наших благодетелей, верно? – дружное «Верно!» было ему ответом.

– И, хотя преподобный Адеодат этого и не одобрит, но может, сиятельный граф Скер оценит песню, которую я сейчас исполню? – Алэн сегодня был в ударе, его будто подменили.

Когда стихли голоса одобрения, Алэн сыграл несколько красивых музыкальных фраз на арфе и запел:

Ночной костёр догорал
Близился новый рассвет.
Я струны перебирал
На арфе прожитых лет.
Пока по этим горам живая течёт вода,
Я верен старым богам, старым путям – всегда.
Не верил чужим я дарам
Не верил сладким речам
Был братом рождён ветрам
И кровь моя горяча
Какая бы в мир не пришла
Оскаленная беда
Я верю старым путям
Старым богам – всегда.
Во след беспечным пирам
Текли крови ручьи,
И пали к чужим ногам,
Кого не держали свои.
Я видел, как сдали врагам
Вольные города,
Но верил старым богам
Старым путям – всегда.

³ Бойран – ударный инструмент, бубен с колотушкой.

Ночной костёр догорел
Близился новый рассвет
Для тех, кто остался цел
Во имя грядущих побед.
Пускай наши боли и страх
Прочь унесёт вода,
И вновь на старых путях
Боги нам скажут – Да!

Когда баллада стихла, крики и аплодисменты не смолкали долго. На лице Фелиза блуждала довольная улыбка. Граф же выглядел обескураженным...

В полдень следующего, пасмурного дня, рыночная площадь была заполнена до отказа. Граф стоял на ступеньках храма и хмуро оглядывал людское море. Он совсем не знал их, они совсем не знали его. Это были не те забытые деревенские люди его графства, что робко кланялись ему в пояс, а потом спешили убраться с глаз долой, «как бы чего их милость не удумали». Нет, это были свободные городские люди, представители различных профессий, со своим достоинством и гордостью принадлежности к различным цехам. Даже гильдия воров здесь была в определённом почёте. Проезжая сквозь толпу, граф слышал и немало насмешек, которые вряд ли стерпел бы от своих вилланов. Здесь же он вынужден был, по совету Фелиза, расточать улыбки, и махать рукой в ответ на грубые, но одобрительные возгласы, в ответ же на оскорбления – хранить гордое молчание.

Преподобный Адеодат в пышном облачении вышел к толпе и сделал знак рукой. Гул голосов стих.

– Сегодня, пятого дня весеннего месяца Ольхи, в лето 724е от основания Белой Гавани, в сто пятидесятую годовщину окончания правления последнего Единого Короля Армора, Мериадока Святого, я согласно древнему обычаю, перед лицом собравшихся свободных горожан зачитываю его завещание, ибо вновь отыскался претендент на меч последнего короля. Это Его Сиятельство, граф Скер, именем Эриспо, представитель древнего и славного рода, в чьих жилах течёт кровь Старых Королей и что подтверждают свитки с его родословной...

Когда крики толпы стихли, Адеодат продолжал:

– Завещание Мериадока гласит, что тот, кто сможет извлечь его меч, чудодейственной силой помещённый им самим в камень нашего храма, имеет право провозгласить себя Единым Королём Армора и станет таковым при одобрении большинства в собрании знатных домов Армора и представителей свободных городов, представителей нашей церкви и иных уважаемых сообществ. Вот текст завещания:

– Род мой угас. Но кровь моя течёт во многих жилах.

Увы, лишь кровь, но не великий ум.

И ждать Армору суждено, покуда,

Не явится сюда достойный...

Фелиз не спускал глаз с Адеодата. Сделает ли он то, что обещал?

– и станет править он, и Новой Верой осенённый, и Старой Верой в равных их правах, – закончил Адеодат, причём видно было, что последние слова дались ему с трудом.

– Прошу Вас, Ваше Сиятельство, теперь вы можете попытаться, – Адеодат указал рукой в направлении стены храма, из специально выделенного белой краской камня которой на уровне человеческой груди торчал меч, на две трети неизвестным образом погруженный в толщу крепкого гранита. На лезвии не было никаких следов ржавчины, хотя на всякий случай над этим местом был сооружён навес.

– Пора, милорд, – твёрдо произнёс Фелиз, – будьте уверены...

Пока граф медленно подходил к стене, толпа затихла, и графу казалось, что частый стук его сердца отчётливо слышен каждому. Он протянул руку, помедлил мгновение, затем крепко ухватил рукоять меча.

В ладони он почувствовал лёгкое покалывание, затем прохладный ток неизвестной силы вошёл в его руку, дошёл до плеча и расширился в груди. Эриспо ощутил в себе необычайную мощь и уверенность. В это мгновение словно кто-то шепнул ему: «Пора!», он потянул на себя меч, и меч, казалось бы, намертво вросший в камень, легко поддался. Толпа ахнула, когда увидела, как он поднял его над головой. В это время выглянуло солнце, и первые лучи его осветили графа, стоявшего с совершенно ошарашенным лицом.

Толпа вновь разразилась криками восторга, но уже овладевший собой Адеодат взмахом руки успокоил их:

– Волею Унана заветное Мериадока свершилось! Именем Единого и символами его Веры свидетельствую – вот новый Король!

Из толпы выступил человек в плаще с капюшоном, опирающийся на посох. Поднявшись по ступенькам, он откинул капюшон и обнажил покрытую длинными седыми волосами голову. Указав посохом на Эриспо, вновь пришедший также обратился к толпе:

– Свободные граждане Ренна! Я верховный жрец круга Огмы, именем своего Бога и всех его последователей, свидетельствую – вот новый Король!

Рядом с ним уже стояли ещё двое жрецов и одна жрица. Это была Невена.

– ...Именем Ясноокой и Благой богини Керидвен и от имени всех её последователей, свидетельствую – вот Новый Король!

Толпа неистовствовала. Наконец Эриспо выступил вперёд, дождался тишины, и сжимая меч произнёс речь, причём его голос, вдруг обретя какую-то невероятную силу, был слышен далеко окрест:

– Свободные граждане Ренна! Я доказал, что имею право быть Новым Единым Королём! Я клянусь защищать этим мечом права и свободы каждого в соответствии с древними законами Армора. Я клянусь сделать всё, чтобы Старая и Новая Веры, как два цветущих дерева, осеняли нашу жизнь. Я клянусь установить твёрдый порядок, покончить с распрями, разбоем и произволом, от кого бы они ни исходили, и сделать нашу страну процветающим королевством, не уступающим Луаре, Керту и прочим. Я клянусь с оружием в руках защищать его от врагов. И я без сомнения это сделаю, с вашей помощью! И в первую очередь мне нужны люди, которые пойдут за моим знаменем...

Съёк уже развернул рядом с графом старое знамя Королей Армора, красное полотнище с белым горностаем в центре. Когда граф закончил речь, Съёк, не помня себя от воодушевления, что есть силы закричал:

– Да здравствует Единый Король!

Дружный возглас свободных граждан Ренна, казалось, чуть не обрушил стены города.

Заговор графов

В трапезной замка Мореак при свете пылающих факелов сидели трое: сам хозяин замка, его шурин Алэн, граф Плюгастель, и Каурантин, вопреки своему имени⁴, – маленький, невзрачный человек, доверенное лицо графа Мореака в Ренне, выполнявший самые разнообразные поручения графа и шпионивший для него. Он-то и привёз, наконец, достоверные сведения из Ренна, а до того граф и его люди вынуждены были питаться самыми разнообразными и нелепыми слухами.

– И что Адеодат? Смолчал? – на лице графа Мореака застыло угрюмое выражение.

– Увы, милорд. Когда эти друиды из глуши поднялись на ступени святого храма, как к себе домой – народ приветствовал их, как ни в чём не бывало, словно и не было ни Истребления, ни стольких усилий монахов в проповеди истинной веры. Правду говорил ваш покойный отец – покуда не будет убит последний друид, пока из каждого деревенского дома не будут вынесены чёртовы обереги, а их хранители – не выпороты на площади, старая вера будет цепляться своей костлявой рукой за души армориканцев.

– Вы говорите как проповедник, Каурантин, – поморщился Алэн, – какая к чёрту разница, старая вера или новая? Я вот ни в кого не верю, кроме своего коня и меча. Проблема в том, что они – не на нашей стороне, вот и всё.

– Продолжай, Каурантин, – граф кусал губы и хмурился, видно, самообладание давалось ему с трудом.

– В общем, народу к нему завербовалось немало, купцы дали ссуду, кузнецы – оружие, мясники – мяса, пекари – хлебов. Сейчас этот отряд, тысячи полторы, возвращается в замок Скер. А потом – он назначил через месяц собрание в Понтивии, гонцы с этой вестью направились ко всем владельцам. Там он рассчитывает, что его изберут Королём. И его поддерживают эти нечестивые друиды... и Адеодат, он тоже заодно с ним, он отступник! Но я говорил с некоторыми преподобными отцами в Ренне, они не одобряют всё это. И среди горожан не всем это по нраву. Говорю вам, Ваше Сиятельство, надо вам поднять знамя защитника истинной веры, и тогда к вам стекутся многие и многие, и Святая Церковь будет на вашей стороне. Так бы поступил ваш отец...

– Мой отец был глупцом, – перебил Догмаэль, упрямо поджав губы, – и я не собираюсь ему следовать. Если бы он не затеял резню друидов, если бы он не послушал этих святош, он бы не поссорил наш род с графом Монтабаном, и тогда тот не пришёл бы на помощь Скеру, когда я уже держал меч у его горла. От этой твоей Святой Церкви исходит один вред. Мужички учат грамоту, читают эти глупые книги, которые размягчают сердца и ослабляют руки, сжимающие меч. Этот, якобы милосердный Унан – для женщин, пусть он утешает их, когда их хорошенько поколотят. Но... ты прав, Каурантин, в том, что надо и этот флаг тоже вывесить... всё должно пойти в дело. Но нужна идея посильнее!

– Свобода, дорогой деверь, – вновь вступил в разговор граф Плюгастель, – вот та идея, которую мы ищем! Зачем нам, скажите на милость, Единый Король? Чтобы ограничить наши права? Распространить все эти суды и уложения на манер городских – на весь Армор? Нет, в своих владениях я в своём праве! Никто мне не указ. Мои и твои древние права будут попорчены, как и права других владельцев. Мы должны будем прислуживать ему, как какие-то худородные слуги! Я думаю, это мало кому понравится. Вот что надо написать на знамёнах – «За Свободу»!

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня в очаге. Граф обдумывал слова шурина. Свет факелов освещал стены, сложенные из грубого камня, где было развешано

⁴ Каурантин – великан (армор.)

разнообразное оружие, доспехи и охотничьи трофеи – свидетели славы рода Мореак. Их род поднялся уже после того, как последний король, Мериадок, умер, по слухам, отравленный кем-то из приближенных. Видя приближающуюся неминуемую смерть, он и произнёс это нелепое пророчество, очевидно, будучи уже в агонии и повреждён рассудком. Так стоит ли придавать значение его словам? Не более чем бреду прочих больных, умирающих и сумасшедших. И ещё – правда в том, что они прекрасно обходились с тех пор без короля.

– Хорошо сказано, дорогой Алэн! Это то, что найдёт отклик в сердцах многих, равных нам. О прочих нечего и беспокоиться. Их силы ничтожны. Алэн, мне нужно прежде всего заручиться поддержкой графа Лангоннэ, самого сильного из нас. Возьмёшь на себя переговоры с ним?

– Конечно! Я, признаться, стал злоупотреблять твоим гостеприимством, дорогой деверь. Мне не терпится отправиться в путь и сослужить нам всем добрую службу. Позволь взять с собой твоего старшего, Гебриена? Он давно со мной просится...

– Да? Что ж, он уже почти взрослый. И я вижу, что науки старого Гильдаса ему не впрок. Пускай едет, учится жизни в седле....

– Ваши Сиятельства, позвольте ещё несколько слов? – вновь обратился к графам Каурантин. Оба кивнули. – Так вот, рядом с графом Скер замечен некий учёный из Ванна, именем Фелиз. Граф всё время с ним советуется. Кто-то проболтался, что именно этот Фелиз явился недавно в замок Скер и заявил графу, что мол, боги послали его сказать графу, что он – Единный Король, ну и вроде как именно он надоумил графа ехать в Ренн за мечом Мериадока. Сдаётся мне, что этот Фелиз – тоже проклятый друид. И видимо, опасный! Похоже, что он и подстроил это фокус с мечом, вместе с Адеодатом. А может Адеодат тоже – этот... друид. Переодетый. Боже, они повсюду....

– Спасибо, Каурантин. Достаточно. Ты как-то говорил, что у тебя есть на примете умелец, что умеет убивать тихо и бесшумно? – со зловещей нотой в голосе поинтересовался граф Мореак.

Каурантин просиял: – Да, ваше сиятельство, есть такой. Умеет, как никто другой, берёт, правда, дорого, но всегда доводит дело до конца...

– Приведи его ко мне. Поручим ему Фелиза. Есть у меня человек в замке Скер, мерзкий предатель, – тут граф поморщился и сплюнул, – но он проведёт твоего умельца куда надо.

– Так может, и графа Скер ему поручить?

– Нет, граф Скер – мой. Я буду спать спокойно только когда лично прикончу его.

Граф Мореак поднялся из-за стола. Лицо его выражало решимость и мрачное предвкушение. Следом поднялись и его собеседники. Раскланявшись, каждый из них направился восвояси.

Граф решил навестить супругу. Распахнув дверь в её покои, он застал её за чтением.

– Мадам, опять эти ваши глупые книжки? Клянусь, скоро вы увидите и услышите нечто, превосходящее всё, что вы там читаете, любой вымысел, любую фантазию!

– И что же это будет, месье? Я вся в нетерпении, – съязвила Беатрис. – Мне сдаётся, что за годы нашего супружества вы уже выложили все ваши аргументы...

– Дура! У тебя только одно на уме. Я говорю о роли, которую мне предстоит сыграть. Подумать только! Боги так долго не давали мне в руки этого негодяя из Скер, только за тем, чтобы, мимоходом возвысив его, сделать мою месть значимой не только для меня, но и для всего Армора. Что было бы, если бы я прикончил его год назад? Ну, поговорили бы все наши соседи об этом за ужином, а через месяц забыли. Иное теперь! Он – фальшивый король, неумело выставил себя на всеобщее обозрение. И тем сокрушительней будет его падение, которому я поспособствую! Во главе армии, под стягом Свободы, я и твой брат выступаем, чтобы сокрушить его. Клянусь, об этом должны будут написать в твоих книгах, иначе я спалю их все вместе с теми, кто их пишет и переписывает!

Толл⁵, я рада, что ты, наконец, обрёл достойное для тебя дело! – В голосе мадам Беатрис появились мягкие лукавые нотки. – Когда же ты выступаешь? Я буду махать платочком с высоты нашей башни, провожая тебя, лить слёзы и ждать твоего возвращения. Я надеюсь, ты убьёшь этого Скера как можно быстрее!

Сбитый с толку её тоном и словами, Догмаэль стоял как истукан, не зная, что ответить. Потом резко развернулся, вышел вон и захлопнул дверь.

Графиня Беатрис, закатив глаза к потолку, шумно выдохнула и вновь принялась за чтение. «Кажется, блаженная свобода от этого осла – не за горами» – подумала она.

А неподалёку, в детской, маленький Гебриен, подслушавший весь разговор за ужином, прячась за огромной павезой⁶, счастливый от того, что капризный и переменчивый отец так легко дал согласие на его поездку с дядей, уже собирал вещи, и конечно – в первую очередь – любимую дудочку. Грёзы уже носили его по дорогам, по берегу моря, по полю кровавой битвы, где он трубил в настоящий боевой рог призыв к наступлению. Так он и уснул, обнимая дорожный мешок. В окошко его спальни тем временем заглянула луна. Её лучи, коснувшись чела мальчика, вдруг превратились в сотканную из света руку и мягко погладили Гебриена по детским кудрям.

⁵ Толл – уменьшительное от «Догмаэль»

⁶ Павеза – большой щит для защиты лучников и арбалетчиков во время боя.

Вопросы веры

Неподалёку от Ландело, на холме, тропинка к которому плавно поднимается от ячменных полей, растут небольшой группой вековые дубы, невесть кем здесь посаженные. Вкупе с другими деревьями они образуют небольшую рощицу, обсаженную по периметру густыми зарослями терновника, скрывающими от любопытных глаз сердце рощи. Тропа ведёт между двух больших белых валунов, образующих врата в терновой стене и, змеясь между деревьев, оканчивается у третьего белого камня, стоящего столбом в окружении дубов. На камне можно разглядеть полустёртые письмена, которые уже никто, включая даже самых посвящённых жрецов, прочитать не может, ибо грубо высеченные знаки эти до-древние, до-армориканские. Впрочем, собравшиеся у камня знали, что здесь – особое место, место, где из земли бьёт ключом Сила, и этого знания было достаточно.

Шестеро собравшихся стояли полукругом. Это были знакомые нам Невена, и её спутники, жрецы иных кругов, дерзко ступившие на ступени Неметона: Бран, верховный жрец бога неба и грома, Тараниса; Ив, жрец Цернунна, лесного бога, и Бриан, жрец Огмы, бога сокровенных знаний и красноречия, покровителя бардов. Пятой была Нольвенн, стройная, черноволосая и зеленоглазая молодая жрица, лучшая ученица и вероятная преемница Невены. Шестым был Фелиз.

Нольвенн своим чарующим голосом запела молитву, посвящённую Всем Богам, в каждом четверостишии восхвалявшую их отличительные качества. Отдельно читалась «Жалобная песнь о Садб», скрытой или зачарованной богине, пленённой злыми чарами, из-за чего первозданная Красота ушла из мира. Остальные негромко вторили Нольвенн. После того, как она пропела последнюю строчку, на несколько минут воцарилась глубокая тишина, лишь шелест листьев, жужжание пробудившихся ото сна насекомых и редкие птичьи голоса прерывали её.

Наконец Бран, самый старший из присутствующих, седобородый обладатель высокого лба и лысины, на которой виднелись нанесённые несмыслимой краской синие узоры, негромко кашлянул:

– Кхе, Невена, мы выполнили твою просьбу, исходящую от этого молодого человека, – тут он указал посохом на Фелиза, – так пусть же он, наконец, удовлетворит наше любопытство и расскажет, откуда он к нам явился, кем столь превосходно выучен и послан сюда?

Невена кивнула Фелизу, и он вышел вперёд, повернувшись лицом к остальным.

– Досточтимые, я надеялся поведать свой рассказ представителям всех Священных Кругов Армора. К сожалению, откликнулись лишь вы четверо. И я расскажу лишь то, что не сможет помешать исполнению воли пославших меня, ибо план ещё не претворён в жизнь. Эриспо ещё не король и старая Вера ещё таится от людей в закоулках и глухоманях.

– Не вини других, молодой человек, ибо косою прошлись по нам во время Погрома, и людская толпа непредсказуема. В Ренне мы не надеялись на то, что горожане вдруг станут приветствовать нас и примут, как потерявшихся родственников, ведь они же могли и растерзать нас, будь они направляемы злой волей. Другие, узнав о Чуде в Ренне, присоединятся к нам позже – молвил Бран.

– Хорошо. Я начну с того, что двадцать лет назад, я, спасаясь от погромщиков, неожиданно прошёл тайными пещерными вратами в горах Менеза и попал в место, коего нет на картах. Там я встретил людей, мужчин и женщин, которые называют себя Белыми Братьями и Сёстрами, и место то зовётся Сокрытой Долиной...

– Я слышал о ней! – воскликнул Ив, жрец Цернунна. – От своего учителя, а он – от своего. Легенда!

– Действительность, – поправил мягко Фелиз, – состоящая в том, что некоторым людям открываются врата и им позволено пройти в Долину. Чтобы учиться мудрости, учиться познавать волю Богов, слышать и видеть их. А также учиться владеть своим умом, телом и силами Стихий. Много чему...

– Как открыть врата? Учитель моего учителя не смог этого сделать, хотя очень хотел туда попасть, – спросил Ив.

– Я полагаю, что врата нельзя открыть своей волей, ими управляет воля Богов, которые их поставили. Я недостойн был попасть в Долину, не был мудр, не был и бесстрашен. Но... попал. У Богов на людей свои виды. Двадцать лет я учился, и недавно мне была явлена Их воля. Старшие братья общины подтвердили, что это действительно была воля Богов, а не плод моих фантазий. И раньше бывало, что братья и сёстры покидали Долину с заданием, чтобы донести некое послание или предупреждение до сильных мира сего, или с иными целями. Ныне взгляд богов пал на Армор, ибо нуждается он в исцелении.

– Когда же исполнится их воля, – ты вернёшься? – спросила Невена.

– Не будем забегать вперёд. Я хотел бы вернуться, чтобы продолжать совершенствоваться. Если Врата сочтут, что я всё сделал, и пропустят меня.

– Какова наша роль, что мы должны делать? – спросил молчавший до того Бриан.

– Открыться. Вновь идти к людям, нести знания, обряды, поэзию, музыку. Прославлять Единого Короля, призывать к миру и согласию. В том числе и с верующими в Единого.

– Вот уж ни за что! – воскликнул Ив. Ложная вера в ложного бога, которого никто не видел, которую привезли нам из-за моря чужаки. Они натравили на нас владетелей и народ. На них – кровь наших братьев и сестёр. Они – лицемерные твари, претворяющиеся добрыми, с помощью лживых речей обращают народ к поклонению пустому месту!

К гневной речи Ива присоединились остальные. Фелиз сделал знак рукой и мягко улыбнулся.

– Послушайте, досточтимые, то, что мне велено передать вам Старшими моими братьями. Вера в Единого – не есть ложная вера. Боги наши, в незапамятные времена пробудившись, увидели эту Землю и узнали, что им нужно хранить и оберегать её. Они сотворили живых существ – птиц, зверей, рыб и иных, подняли горы, леса, заселили их невидимыми духами – помощниками. Но людей – они не творили. Люди пришли сюда извне. Боги приняли их и стали заботиться о них, как о младших братьях. Но кто сотворил людей? И кто сотворил самих Богов? Даже Боги не могут ответить на этот вопрос – так говорят Старшие, что вопрошали их. Боги лишь сказали, что всё во вселенной имеет единый источник. Единый. Поэтому вера в Него, какой бы глупой и искажённой людским невежеством она сейчас ни была – небезосновательна.

– В сказаниях «О безначальных временах», переданных мне моим Учителем, говорится, что действительно наши далёкие предки прибыли сюда из другого мира, преследуемые тёмным ужасом. И Боги этой Земли приютили их, дали кров и защиту. И что часть людей пошла за ними. А другая, – неблагодарно отвергла, и их остров на дальнем Юге провалился в пучину под тяжестью их злых дел. А вера в Единого – тоже пришла к нам с Юга. Так зачем нам вера отвергших? – Бран уверенно говорил густым басом, гневно зыряка очами из-под кустистых бровей. На черепе его плясали синие молнии.

– Не совсем так, досточтимый Бран, – мягко возразил Фелиз. Отвергшие верили не в Единого, а лишь в собственные колдовские силы. И вера в Единого пошла не от них, а от спасшихся от Потопа. Так сказали мне Старшие. И некоторые из них, усердно упражняясь в одиночестве много лет, в суровой аскезе, узрели не только наших Богов, но и коснулись Единого. Он огромен и бесконечен, так учили они. И в каждом из нас – его частица. Эти их слова – не книжная догма из Писаний верующих в Унана, но живой опыт ведающих наших Богов. И одно другому не противоречит. Нам не о чем спорить. Нам нужно нести в мир наши

знания, а они пусть несут свою книжную грамоту. Которую, кстати неплохо бы и выучить, чтобы записать наши писания в книги.

– Книжная грамота – искажение живого Слова! – вскричал жрец Огмы. Лишь из уст в уста передаётся истинное знание!

– Как хотите, – устало молвил Фелиз. Ваш ум не способен сразу всё это принять. Вернитесь к себе, поразмыслите... Сейчас же прошу Вас поддержать Единого Короля, и он поддержит Вас, даст вам вновь возможность выйти из тени ваших убежищ.

Вновь все замолчали. Бран первым покинул круг. Лицо его по-прежнему выражало недовольство. Вскоре он исчез за дубами. За ним последовали Ив и Бриан. Невена и Нольвенн остались.

– Я верю твоим словам, Фелиз. В своих бдениях перед алтарём Керидвен, во время созерцания Её Внутреннего Света, однажды я растворилась в нём. Но я не стала Ей. Я стала... всем. Лишь на миг...

– Невена, спасибо тебе за поддержку. Нам предстоит ещё долгий путь. Мрак невежества сильнее мечей графов, крепче стен замков, страшней самой лютой смерти. Мы лишь посеём семена, всходы взойдут позднее...

Нольвенн, не дерзавшая до этого прервать речи мудрых жрецов, вдруг сказала: – Надо петь об этом! Сочинить песни, где эта мудрость была бы простой и доступной, стала бы птицей, огнём, ветром, рекой и океаном. И пошли бы в народ эти песни. Люди лучше понимают красоту мелодии и слов. И дольше помнят.

– Прекрасно, Нольвенн! – ответила Невена. – Кому, как не тебе за это взяться!

Фелиз не ответил, но посмотрел на Нольвенн теперь по-новому. И немедленно стал тонуть в океане её зелёных глаз.

Очнулся он, когда возле камня уже никого не было, а из-за дубов доносился весёлый удаляющийся щебеток Нольвенн, прерываемый смехом Невены.

«Не стой, как болван» – сказал себе Фелиз. – «Тебе не стоит и думать о ней, пока не исполнишь задуманное. Да и потом – не стоит». Он быстро попытался взять под контроль разыгравшийся ум, но некая сила в нём, словно птица, продолжала биться о воздвигнутые им стены, стремясь вырваться на волю. Образ поющей и смеющейся Нольвенн упрямо вновь и вновь вставал перед глазами. Лишь невероятным усилием воли Фелиз прогнал его от себя и зашагал по тропинке прочь из круга дубов. Ему почудилось, что старые деревья смеются ему вслед.

В потайных коридорах

Уже рассвело, когда прямо на мосту замка Скер, не выдержав наваленного на неё груза, с треском сломалась телега. Тюки и бочки повалились на камни моста, а что-то вывалилось даже в ров. Ругань возчиков и стражников, ржание испуганных лошадей, крики приказов, стуки и треск донеслись до покоев Фелиза, где тот пытался скрыться от царившей все эти дни суеты. Армия Эриспо выступала в Понтиви, куда должны были съехаться представители всех благородных домов Армора, духовенства, купеческих гильдий, и иные уважаемые люди, чтобы утвердить его королём. Однако очень скоро выяснилось, что усилиями Мореака (кто бы мог подумать?), его шурина Плюгастеля, а также могущественного Тюдаля, графа Лангоннэ, чьи владения располагались на юго-востоке Армора, была создана коалиция, к которой примкнули и некоторые другие феодалы. Они собирали войска, перекрывали дороги и препятствовали желающим попасть в Понтиви. Этот важный город, стоящий у самого большого моста через Эмрод, на перекрёстке торговых путей, был уже заблаговременно занят отрядом из Скера, под предводительством месье Фрегана, опытного капитана, служившего ещё отцу и деду Эриспо, а ныне произведённого в коннетабли Армии Короля. Эта армия рождалась на глазах Фелиза прямо во дворе замка, из людей Скера, добровольцев из Ренна и иных мест, из подозрительных личностей, напоминавших разбойников, надеющихся заслужить амнистию при новой власти, заглянувших «на огонёк» наёмников, из хаоса, ругани приказов и сутолоки. Сразу стало ясно, что замок был не в состоянии вместить всю эту ораву, поэтому люди были размещены в лагере за его стенами. Запасы замка и провизия, привезённая с собой из Ренна, быстро таяли, люди новоявленной армии стали захаживать в близлежащие деревни – «разжиться, чем бог пошлёт». Эриспо выслушивал во дворе рапорты и жалобы, конные патрули отправлялись ловить мародёров, а бедный эконом замка, Азу, был на ногах и день и ночь, и кажется, постарел ещё на одну жизнь. Денез-оружейник, тоже заваленный делами, напротив, излучал силу и бодрость, сбросил накопленный жирок и его, казалось, видели одновременно в разных местах. Он отвечал за боевую подготовку новобранцев и вооружение. Преподобный Бастиан, намеревавшийся отсидеться и переждать бурю в своей келье при замковой церкви, был извлечён оттуда графом и поставлен организовывать работу госпиталя для больных и раненых воинов. Последних, несмотря на отсутствие боёв, было немало – несчастные случаи, пьяные стычки, падения с лошадей неумелых новобранцев – таковых досадных происшествий было предостаточно. Отец Бастиан нехотя взялся за дело, долго запрягал... Тогда, по совету Фелиза, граф приставил к нему Невену, как ведающую лекарское искусство. Она и её сёстры, к ужасу Бастиана, быстро захватили власть в свои руки, и ему оставалось лишь недовольно бурчать себе под нос о «проклятых друидках», при этом послушно выполняя их приказы. Сам он читал больным в утешение книги писаний, сёстры Керидвен – лечили и выхаживали, Эриспо – всё видел и довольно посмеивался.

И только Фелиз не знал, как себя применить. Граф его не беспокоил, они встречались лишь за ужином, когда тот порой перебрасывался с ним парой ничего не значащих слов. Эриспо, кажется, и сам знал, что какое поручение дать Фелизу, сам же он был в седле, в своей стихии, деятельность целиком захватила его, и ему было не до философии. «Жрецы – староверы? Чем могут помочь? А... пошлём их к графу Монтабану, он их чтит, пусть поторопят его с выступлением. Невена-ведунья? Отлично, пусть ведаёт больными? Что-то ещё?»

Зато к Фелизу неожиданно стал захаживать Съёк. Молодой рыцарь, оказывается, был обучен грамоте, и чрезвычайно любознателен. Он засыпал Фелиза вопросами, и в беседах с ним проходили часы. Его подруга, служанка Аэль – тоже присоединялась к ним, но она больше молчала и слушала. Когда же Фелиз оставался один, он тренировал свой ум в созерцании

Ясного Света, но получалось много хуже, чем в Затерянной Долине. Вместо Ясного Света перед его взором вставал образ черноволосой Нольвенн, и упрямо не хотел пропадать. Сама Нольвенн трудилась в это время в госпитале вместе с Невеной, и Фелиз избегал туда ходить, гнал от себя навязчивые мысли, вновь и вновь погружаясь в глубину своего ума, стараясь найти там утерянный покой...

Сегодня войско должно выступить, и досадная поломка телеги на мосту этому, конечно, не помешает. Но что-то тревожило Фелиза, что-то недоброе ощущалось в воздухе. Он выскользнул из своих покоев и направился искать Съёка, который должен был позаботиться о лошадях и снаряжении для похода для них обоих. Желая сократить путь, он нашупал рычаг, открывающий вход в потайной коридор. Он часто пользовался этими переходами, с которыми его познакомила Аэль, ему нравилось неожиданно появляться то тут, то там, поддерживая таинственную свою славу. Лишь несколько человек в замке, включая самых близких слуг графа, знали все эти тайные ходы. Сам граф с удивлением узнал об их существовании лишь недавно. Оказалось, отец не успел передать ему эту тайну, а все остальные – забыли.

Войдя в узкий тёмный коридор, Фелиз уловил в себе всё возрастающее чувство тревоги. Слух обострился, впереди он услышал крадущиеся шаги. Фелиз, прекрасно видящий в темноте, прошёл ещё несколько туазов⁷, звук шагов также приближался к нему. Тогда он свернул в ближайшее боковое ответвление коридора, и затаился там.

В основном коридоре показался свет, следом выплыли два силуэта. До слуха Фелиза отчётливо донеслось:

– Выйдешь из коридора, сразу дверь направо. Он там. Сделаешь дело, дёрни за рычаг у выхода, я буду ждать тебя здесь, – резкий высокий голос, похоже, принадлежал молодому человеку.

– А если он не там? – ответили низким, неприятным полусшёпотом.

– А где ему ещё быть? Он из своей кельи не выходит. Но поторопись, скоро объявят выступление. Его должны будут искать, и найти... уже мёртвым.

– Найдут в самом лучшем виде. Граф Мореак сказал, чтобы вид его трупа внушил всем ужас. Так что...

– Иди уже...

Шаги первого удалились, вскоре раздался звук осторожно открывающегося выхода. Второй продолжал маячить в коридоре со свечой в руке. Фелиз затаил дыхание. Никакого оружия у него при себе не было. Но действовать надо было быстро. Фелиз прыгнул, нацелившись в руку со свечой. Свеча упала и потухла, человек вскрикнул, но тут же получил удар кулаком в лицо. В отличие от своего противника, Фелиз прекрасно видел его и наносил точные удары – в солнечное сплетение, затем коленом в голову, затем по ногам. Мгновением позже его противник рухнул на пол. Тут же Фелиз услышал вновь звук открываемой снаружи двери.

– Его там нет! Эй! Ты где?

Фелиз побежал по тёмному коридору. Он слышал, как позади убийца споткнулся о тело своего подручного, упал, затем поднялся и устремился за ним. Но вскоре он отстал, так как не видел в темноте и не ориентировался, вынужденный пробираться на ощупь. К Фелизу уже полностью вернулось самообладание, и он спокойно продолжил свой путь по переходам, туда, где был ближайший выход. Выйдя в обычный коридор, он бегом направился к комнате Съёка, где тот собирал вещи.

– Съёк! Возьми оружие. Там – в коридоре – подсланный убийца. Я чудом разминулся с ним.

Съёк побледнел, – Аэль!!! Она там! Она пошла за вами!

⁷ Туаз – мера длины, составляет около двух метров.

Оба рванулись вперёд. На бегу Съёк дал Фелизу кинжал, сам же обнажил меч. Войдя в тайный вход, они направились в коридор, из которого вышел Фелиз. «Аэль видимо зашла туда с другого входа, раз я с ней не столкнулся...» – на бегу размышлял Фелиз. Съёк вслепую топал за ним. Внезапно раздался пронзительный женский крик. Друзья бросились на звук. За спиной Съёк отчаянно закричал: «Аэль!» Фелиз за очередным поворотом, в глубине коридора увидел силуэт убийцы, изготовившегося к бою, рядом лежало тело служанки. Прицелившись в область шеи, Фелиз метнул кинжал, но по звяканью металла понял, что попал в доспех. Съёк выскочил из-за спины с мечом и вслепую ринулся вперёд. «Погибнет» – мелькнуло в уме Фелиза, мгновением позже в его ладони появился светящийся шар, и он в отчаянии метнул его в коридор. Стручок света, пролетев над плечом Съёка, осветил и ослепил притаившегося убийцу, и рука рыцаря нанесла неотразимый удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.